

I
ПТИЦА, КОТОРАЯ ПЬЕТ СЛЕЗЫ
СЕРДЦЕ НАГА

ЛИ ЁНДО

Птица, которая пьёт слёзы

Ёндо Ли

**Птица, которая пьёт
слёзы. Сердце нага**

«Издательство АСТ»

2003

УДК 821.531-312.9

ББК 84(5Кор)-44

Ли Ё.

Птица, которая пьёт слёзы. Сердце нага / Ё. Ли — «Издательство АСТ», 2003 — (Птица, которая пьёт слёзы)

ISBN 978-5-17-118872-6

Ли Ёндо — один из самых известных южнокорейских авторов современности. Его произведения в жанре фэнтези и научной фантастики принесли ему известность в литературном мире Дальнего Востока и звание первооткрывателя жанра корейского фэнтези. Книги Ли Ёндо переведены на несколько языков и пользуются большой популярностью среди любителей мира фэнтези и фанатов настольных ролевых игр. «Сердце нага» — это первая книга серии «Птица, которая пьёт слезы», состоящей из нескольких циклов книг по удивительной фэнтези вселенной писателя Ли Ёндо. Характерные для жанра расы персонажей и описание мира предстают в новом свете, благодаря корейской культуре и восточным традициям, которые легли в основу сюжета. Ценители жанра фэнтези смогут не только погрузиться в захватывающую историю нага Рюна и других искателей приключений, но и почувствовать себя частью фантастической вселенной, населённой огненными демонами, огромными леконами, нагами, легендарными драконами и другими оригинальными расами. В книге «Птица, которая пьёт слезы. Сердце нага» рука об руку идут трагичные истории и оригинальный юмор персонажей, необычные описания жизненного уклада разных рас и традиции нашей реальности. Обложка книги серии «К-фэнтези» выполнена с участием известной художницы и аниматора Милены Брагиной, разработавшей эксклюзивный дизайн персонажей. Твёрдый переплет и оформление книги не только понравится любителям фэнтези и Востока, но и станет отличным подарком.

УДК 821.531-312.9

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-118872-6

© Ли Ё., 2003

© Издательство АСТ, 2003

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ли Ёндо
Птица, которая пьёт слёзы
Сердце нага
눈물을 마시는 새
이영도

Печатается с разрешения Minumin Publishing Co., Ltd
Originally published in Korea by Minumin Publishing Co., Ltd., Seoul in 2003
Russian translation edition is published by arrangement with
Lee Yeong-do c/o Minumin Publishing Co., Ltd.

LITERATURE TRANSLATION
INSTITUTE OF KOREA

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea)

Серия «К-фэнтези»

© Lee Yeong-do, 2003

All rights reserved.

© Лащева Е. Ю., Колесникова П. В., перевод на русский язык, 2022

© Брагина М. Р., иллюстрация на обложке, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*В ЭПОХУ, КОГДА ЗАБЫТ ГНЕВ ДРАКОНА, КОТОРЫЙ ОПАЛИЛ
НЕБО,
КОГДА НАДГРОБИЯ КОРОЛЕЙ УТОПАЛИ В ЗЕМЛЕ,
КОГДА НИКОМУ НЕТ ДО ЭТОГО ДЕЛА,*

***И ЖИЗНЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ЖЕСТОКУЮ ИГРУ,
ЧЕЛОВЕК ШЁЛ ПО ПУСТЫНЕ.***

Глава 1

Спасательный отряд

*ТРОЕ ПРОТИВ ОДНОГО.
СТАРИННАЯ ПОСЛОВИЦА*

Было раннее утро, когда путник, искавший, по-видимому, ночлег в пустыне Пунтэн, добрался до места под названием «Последнее пристанище». Хозяин гостиницы наблюдал за ним с того момента, когда до гостиницы оставался ещё час пути. Как правило, он замечает путешественников задолго до их прибытия, так как в бескрайней пустыне нет ничего, что могло бы заслонить ему обзор. Разве что дюны, но даже они здесь не являлись препятствием, поскольку гостиница была расположена на вершине горного плато высотой около 30 метров, площадь которого была полностью занята гостиницей. Поскольку постройка находилась в таком уникальном месте, ее хозяин мог заприметить путешественников, направляющихся в сторону гостиницы, еще за пару часов до их прибытия. Обычно они приходили с востока, запада или севера, останавливались в «Последнем пристанище», а затем отправлялись в обратном направлении. Однако этот человек шёл с юга. Хозяин гостиницы обычно не обращал внимания на это направление, поэтому заметил путника только тогда, когда тому оставалось около часа пути. Он предположил, что человек – это был мужчина – сбился с пути и по ошибке набрёл на гостиницу, заметив свет в её окнах. С такими мыслями он не сводил глаз с человека, который медленно, но непрерывно приближался. Время от времени хозяин гостиницы обводил скучающим взглядом прочие направления, но других путешественников не было.

Чёрное небо пустыни постепенно светлело, что означало скорое наступление рассвета. Фигура мужчины по мере приближения становилась всё больше. Прикинув, что путник будет примерно через десять минут, хозяин гостиницы поднялся со своего места, чтобы приготовить чашки и чайник с водой. Когда он встал, что-то странное бросилось ему в глаза. Он прищурился, снова посмотрел на мужчину и тогда понял, что именно привлекло его внимание: за человеком тянулась чёрная линия. В наступающем рассвете хозяин смог разглядеть, что она тянулась от самого горизонта. Хозяин гостиницы озадаченно склонил голову набок: может, он тащит что-то тяжёлое? Но в таком случае эта вещь отбрасывала бы тень, поскольку свет становился всё ярче. Или же у него умер верблюд, и ему пришлось нести на себе все свои ценные вещи. Хозяин попытался рассмотреть, что было за спиной у мужчины, но ему это не удалось, так как человек был одет в длинную накидку до колен. Однако вскоре стало совсем светло, и хозяин гостиницы подумал, что подобного он и вообразить себе не мог. Его удивлению не было предела: тёмная линия за спиной человека была следом от какой-то жидкости, впитавшейся в песок. Но это была не вода – ни один путешественник ни за что не пролил бы воду в пустыне. Тёмно-красной жидкостью, которую не смог полностью впитать даже сухой песок пустыни, оказалась кровь.

– Эй, у вас всё в порядке?

Мужчина, голова и рот которого были замотаны широкой тканью, услышав звук человеческого голоса, поднял голову. Он посмотрел на хозяина гостиницы, стоящего на вершине небольшой дюны, и плавно потянулся к оружию за спиной.

– Ты кто?

– Я хозяин вон той гостиницы. Вы не в неё шли? – объяснил он, но даже после этого незнакомец не убрал руку из-за спины.

– Не приближайся. Ты без оружия?

– Я не разбойник. Разве разбойник стал бы нападать без оружия и не на верблюде? Я же сказал, я хозяин гостиницы. Я здесь, чтобы помочь вам.

– О какой помощи ты говоришь? Уж не собираешься ли ты показать мне, где находится гостиница?

Хозяин гостиницы опять почувствовал, что что-то тут не так, и снова посмотрел на следы позади мужчины. При ближайшем рассмотрении стало очевидно, что на песке была кровь. Путник проследил за его взглядом и покачал головой: мол, со мной всё в порядке.

– У вас же идёт кровь, а вы говорите, что всё в порядке?

– Это не моя кровь.

Хозяин гостиницы растерянно обошёл мужчину, и тот позволил ему взглянуть на ношу. За спиной лежал большой мешок, окрашенный в тёмно-красный цвет. Стало ясно, что это он оставлял кровавый след на песке. Затем он поднял глаза и вздрогнул – из-под накидки торчала большая рукоять. Увиденное совсем не понравилось хозяину гостиницы: у мужчины был гигантский меч и окровавленный мешок за спиной.

– Что в мешке?

– Я же сказал, тебе не о чем беспокоиться.

– Но там же кровь!

– Это не человеческая кровь.

Резко ответив, мужчина направился в сторону гостиницы, оставив хозяина позади. Только тогда стало понятно, насколько тяжёлым был мешок, в котором могли уместиться как минимум два человека. Окинув путника сердитым взглядом, хозяин гостиницы быстро догнал его.

– Я пойду вперёд и всё подготовлю.

Человек ничего не ответил. Хозяин быстро побежал к гостинице, но вовсе не для того, чтобы подготовиться к встрече гостя. На бегу он пытался вспомнить, куда положил свой меч, однако не только не представлял, где бы он мог быть, но даже и не помнил, когда пользовался им в последний раз. Совершенно не думая о том, чтобы оказать путнику какое-то сопротивление, хозяин гостиницы поднялся по лестнице в дом и неожиданно для самого себя громким криком разбудил всю семью. Жена, не понимая, что происходит, абсолютно растерялась, когда муж спросил её, где лежит меч. К счастью, их сын, который вышел следом, знал, где находится оружие, и, сообразив, что им, возможно, придётся воспользоваться, в волнении выбежал из комнаты. Хозяин гостиницы затолкал требующую объяснений жену в кухню и спешно выставил чашки и чайник с водой на стол.

В этот самый момент путник вошёл в гостиницу. Он огляделся и направился к столу, на котором стоял чайник. За спиной у него всё ещё был этот ужасный мешок, кровь из которого капала прямо на пол. Хозяин гостиницы нахмурился. Мужчина подошёл к столу, снял накидку и положил её на стул. Затем он снял свой походный мешок и снова завёл руку за спину, чтобы вытащить меч. В одно мгновение хозяин гостиницы напрочь забыл о пропитанном кровью мешке. Такого меча он никогда раньше не видел. Над рукоятью длиной около 30 сантиметров была такого же размера крестовидная гарда. Было ясно, почему она была такой длинной: параллельно друг другу располагались два гигантских лезвия, каждое больше метра длиной. Клинки были похожи на братьев-близнецов. Для ношения такого необычного меча на груди мужчины располагалась перевязь из кожаных ремней и стальных колец. На левом плече располагался круглый наплечник, а на спине, чуть ниже шеи, торчал кусок металла, похожий на крюк. На этом крюке и висел меч. Он был без ножен, и это пугало. Положив меч на стол, гость сел на стул и начал разматывать ткань, покрывавшую его голову.

В это время вернулся сын хозяина и тоже с мечом. К счастью, догадливый мальчик вошёл в комнату, пряча оружие за спиной. Хозяин гостиницы, подмигнув сыну, который отошёл в темный угол, обратился к гостю:

– Может быть, вы, наконец, объясните нам, что лежит в мешке?

Человек закончил разматывать ткань и положил её на стол. Тёмные волосы, спутавшиеся от пота и песка, упали на плечи. Угольно-чёрная щетина, не бритая несколько дней, покрывала загорелое лицо. Мужчина, вид которого вызывал довольно смешанные чувства, повернулся к хозяину гостиницы и задал совершенно бессмысленный вопрос:

– Это «Последнее пристанище»?

– Да, так все её называют, ведь дальше на юг нет ни одной гостиницы.

– Ну да, так и есть.

До хозяина гостиницы, который почти пропустил эти слова мимо ушей, вдруг дошёл их смысл, и он широко раскрыл глаза от удивления:

– Что за шутки такие... Вы хотите сказать, что пришли с юга?

– Да.

Было бы правдоподобнее, если бы гость сказал, что упал с неба.

– Но ведь на юге ничего нет.

– Есть Киборэн.

– Киборэн? Да уж конечно... Бесчисленное множество деревьев, уйма этого проклятого зверья, вдобавок ещё и наги – это всё равно что ничего нет.

Мужчина взглянул на ухмыляющегося хозяина и снова заговорил:

– Отдай мне письмо.

– Что?

– Если это «Последнее пристанище», то у тебя должно быть письмо для Кэйгона Дракха.

Хозяин гостиницы снова широко раскрыл глаза. У него и в самом деле было такое письмо. Около месяца назад с севера пришёл монах из Великого Храма. Он выглядел так, будто может умереть в любой момент. Монах дал хозяину гостиницы письмо и попросил передать его Кейгону Дракху. Назвавшись Оренблом, он задержался на несколько дней, а затем отправился обратно на север. Хозяин гостиницы хотел было кивнуть в ответ, но собрался с духом и обратился к гостю:

– Сперва ответьте на мой вопрос. Что в этом мешке? И что вы имеете в виду, когда говорите, что пришли с юга?

Мужчина, представившийся Кейгоном, взял чайник. Хозяин гостиницы резко одёрнул его:

– Вода здесь дорогая. Две монеты чашка. Гостиница существует только благодаря воде.

Кейгон промолчал и просто налил себе воды. Только после этого он ответил хозяину:

– Я выехал из Карабóры и отправился на юг, чтобы не тратить время на пересечение пустыни. Так и попал в Киборэн. Затем я двинулся на запад и повернул на север, чтобы добраться сюда.

Хозяин гостиницы, выражая недовольство, громко фыркнул. Кейгон не ошибался. Карабóра находилась более чем в двухстах километрах на восток от гостиницы. Поэтому, чтобы избежать длительного путешествия по пустыне, лучше идти на юг, как и сказал мужчина. С южной стороны пустыни Пунтэн до гостиницы не более пятидесяти километров. Представив в голове путь гостя, он понял, что, чтобы попасть сюда, Кейгон должен был пройти двести километров через джунгли Киборэн, кишашие нагами. Безопаснее было бы преодолеть такое расстояние по морю. Когда хозяин гостиницы собрался сказать об этом, Кейгон указал на мешок:

– В мешке то, что я добыл за время своего путешествия. Загляните внутрь и тогда поверьте, что я пришел с юга.

Хозяин гостиницы с подозрением посмотрел на мешок и оглянулся на путника, однако тот, утоляя жажду, невозмутимо пил воду, которая стоила 2 бронзовых монеты за чашку. Хозяин гостиницы осторожно открыл мешок, и тут в кухне раздался вопль его жены, которая, потеряв сознание, осела на пол.

* * *

В этом месте даже сам ханыльчхи, поднимаясь выше облаков, не может увидеть на земле ничего, кроме джунглей Киборэн, простирающихся на все четыре стороны света. Кажется, что пышущие жаром, тяжело плывущие чёрные тучи почти касаются верхушек деревьев. А деревья в Киборэне – старые, гигантские и коварные, их никогда не касалось лезвие топора. Долгое время их беспорядочно растущие ветви переплетались друг с другом и сгибались под тяжестью упавших на них мёртвых, засохших листьев. Поэтому, когда в Киборэне дует даже сильный ветер, зелёные листья отрываются только от макушек деревьев и поднимаются в небо.

Гигантские деревья после смерти валятся на землю, в то время как маленькие, даже после смерти, запутавшись ветвями, не могут упасть и становятся собственными надгробиями. Многие мёртвые деревья остаются стоять, прислонившись к своим братьям, поэтому Киборэн напоминает зелёный океан, хаотичные линии которого, переплетаясь друг с другом, образуют лабиринт, в котором даже птицы сбиваются с пути. И этот лабиринт, как иллюзия, растёт, изгибается, гниёт, притворяется, что живёт, а иногда с треском рушится, чтобы разбросать во все стороны куски коры и пустить по ветру листья деревьев. Хотя, конечно, по большей части Киборэн проводит свои дни в тишине, заключая темноту в тюрьму из своей зелёной завесы.

Именно здесь находится город жестокости и бессердечия.

Место, при одном упоминании которого одинаково трепещут от ужаса и могучий лекбн, и жизнерадостный токкэби. Место, которое даже самые способные на выдумки люди называют не иначе как «Город Тишины». И хотя здесь невозможно услышать биение сердец, это место по праву считается одним из величайших достижений своей эпохи, не требующим лишних упоминаний, чтобы быть на слуху у всего мира.

Хатенградж.

Хатенградж выглядит как одинокий белый остров, затерявшийся среди бесконечных зелёных джунглей Киборэн. Тем не менее размеры этого города настолько велики, что даже 200-метровая башня, возвышающаяся в самом сердце Хатенграджа, не выглядит столь уж высокой. По обеим сторонам прямых дорог стоят величественные здания, а многочисленные площади украшены военными трофеями, захваченными нагами во время бесчисленных войн с другими расами. К югу от Предельной границы, разделяющей мир на две половины, расположены и другие, меньшие по размеру города нагов, построенные по подобию Хатенграджа.

Этот город очень отличается от городов остального мира и в некотором роде является уникальным: здесь невозможно услышать ни единого звука, а сам город вот уже несколько веков погружён в кромешную тьму. Среди белоснежных колонн, галерей и площадей наги передвигаются бесшумно, словно призраки: не слышно ни голосов, ни звуков, напоминающих пение. Поэтому, когда в тишине комнаты неожиданно раздался голос Рюна Фэя, Хварит Макэроу был по-настоящему удивлён.

– Скажи, каково это – прожить всю жизнь с сердцем?

Хотя наги из-за своего слабого слуха едва могли услышать приближение армии токкэби, идущей за ними по пятам, Хварит всё же смог понять слова своего друга, неестественно прозвучавшие в тишине. Он был в полной растерянности, поэтому у него даже в мыслях не возникло обвинить друга в дерзости.

«Жить с сердцем? Это значит жить с постоянным страхом смерти», – ответил он, используя нирым – расовую способность нагов общаться друг с другом с помощью своего рода телепатии.

Через нирым Рюн Фэй почувствовал, что Хварит пришёл в сильное замешательство. Ему не хотелось ещё больше озадачить своего друга, поэтому на этот раз он решил выразить свою мысль привычным для нагов образом:

«Но не означает ли это также возможность каждый день чувствовать себя живым?» – С этими словами Рюн поднял правую руку и осторожно прижал её к груди. Если бы Хварит сделал то же самое, он почувствовал бы биение собственного сердца, но он не пошевелился, посчитав это слишком постыдным.

«Рюн, с другими ты тоже позволяешь себе подобное?»

«Что ты имеешь в виду?»

«Твоя правая рука. Ты ведь не прижимаешь её к груди, когда перед тобой есть кто-то ещё? Впредь больше так не делай. Это неприлично».

Хварит подумал, что он был слишком резок с другом, и осторожно добавил:

«В любом случае через десять дней в этом уже не будет никакого смысла».

Рюн опустил руку, повернулся и посмотрел в сторону центра Хатенграджа, где возвышалась Башня Сердца, в несколько десятков раз превосходившая по высоте даже самые высокие здания города. Во взгляде Рюна была смесь отвращения и страха. Руки, которыми он схватился за перила балкона, слабо задрожали.

На балконе особняка семьи Фэй стояли два молодых нага – Рюн Фэй и его друг Хварит Макероу. Им было по 22 года, и, согласно законам нагов, они ещё не воспринимались обществом как взрослые мужчины. Через десять дней, когда звезда Шана скроется за луной, они будут призваны в Башню Сердца, где каждый из них разрежет себе грудь и вынет своё ещё живое сердце.

«Хварит, мне это не нравится».

«Тебе нечего бояться, Рюн. Ни один наг не умер во время ритуала. Рассказы о том, что происходят несчастные случаи и каждый год кто-то не возвращается из башни, – это всего лишь выдумки взрослых, чтобы напугать детей».

Несмотря на слова Хварита, лицо Рюна всё ещё было мрачным:

«Я не боюсь несчастного случая. Мне просто не нравится сама идея извлечения сердца».

«Почему, Рюн? Разве тебе не хочется стать бессмертным?» – удивился Хварит.

«Это вовсе не бессмертие».

«Хорошо, давай назовём это полубессмертием. Ты хочешь сказать, что ритуал ничего не значит? А мне кажется, что всё не так уж и плохо, ведь после этого нам не надо опасаться даже нападения наших врагов».

«Враги? Да где же они? На южной границе всё спокойно, а к северной мы не приближаемся. Где тот враг, который представляет для нас угрозу?»

Рюн начинал выходить из себя, и Хварит решил вести разговор в более спокойных тонах:

«Ты прав, мы не можем отправиться в холодные земли к северу от Предельной границы. Однако теплокровные неверующие вполне могут продвинуться дальше на юг. Они выращивают зерно и едят его, поэтому их чрезвычайно много, в отличие от нашей расы. Бессмертное тело – это наше главное оружие для защиты от нападений».

Рюн не выдержал и снова закричал:

– Ты говоришь, они придут! Как?! Человеческие лошади не могут и шагу ступить в нашем лесу. Огромные леконы тут даже не развернутся! И никто из них не может видеть тепло, исходящее от наших тел. Более того, неизвестно, смогут ли эти неверующие увидеть хоть что-нибудь с наступлением темноты, а ты говоришь, что они посмеют войти в наш лес!

Рюн кричал, словно разъярённый ханьльчхи. Хвариту стало не по себе, оттого что Рюн не использовал нирым, а говорил с ним вслух, словно один из неверующих. Несмотря на это, он продолжил:

«А токкэби?»

Упоминание заклятого врага нагов заставило Рюна замолчать. Наги не боятся ни людей, которые ездят на лошадях и питаются зерном, ни леконов, которые способны передвигаться по небу и одним ударом крушить каменные глыбы. Но токкэби – совсем другое дело.

Хварит спокойно продолжил напоминать своему другу о том, что хорошо известно всем нагам:

«Разве нагам под силу поймать токкэби? Мы даже не можем отличить этих тварей от их чёртовых огненных клонов. Да, их глаза отличаются от наших – они не могут различать температуру, но мы, в свою очередь, тоже не всегда можем их обнаружить. Кроме того, их огонь может за доли секунды превратить наш прекрасный лес в груды пепла. Вспомни, что произошло на острове Пэсирон и в ущелье Акинсрбу».

«Это единичные случаи. Токкэби совершенно не любят вóйны. Если только они не решат, что это очень интересная забава», – Рюн снова перешёл на нирым.

«Но это всё-таки возможно, не так ли? Я не знаю, есть ли предел их шалостям. Так или иначе, но если бы однажды я услышал, что миру пришёл конец, я бы подумал, что всему виной какой-то токкэби, который слишком заигрался».

Рюн улыбнулся в ответ на шутку своего друга:

«Я тоже знаю несколько анекдотов о токкэби, Хварит. И эти шутки – это единственное, что я когда-либо слышал о них. Но я никогда не слышал о том, чтобы они представляли настоящую угрозу. Да, токкэби единственные могут ослепить наши глаза, но в то же время они и единственные неверующие, не заинтересованные ни в какой войне. И если это так, то токкэби не могут быть причиной, по которой мы должны жить, отказавшись от наших сердец».

«В этом огромном мире могут быть угрозы, о которых мы не знаем».

«Да, конечно, враги существуют», – и Рюн, закипая от злости, громко закричал:

– И они находятся прямо здесь!

Лицо Хварита исказилось от испуга. Он привык к безрассудству и грубости своего друга, но сейчас ему показалось, что Рюн перешёл все границы: он указывал на Башню Сердца.

«Не смей говорить о Башне Сердца в таком тоне».

Рюн опустил руку, но ничего не ответил Хвариту ни вслух, ни посредством нирыма. Хвариту вдруг стало не по себе. Он попытался сменить тему и поговорить о чем-то отвлечённом, но не смог добиться от Рюна никакой реакции. В конце концов Хварит всё же решился спросить о том, что по поведению Рюна и так стало уже понятно:

«Ты не собираешься извлекать своё сердце?»

Рюн по-прежнему никак не реагировал, но все чешуйки на его теле пришли в движение и начали издавать зловещий звук. Выражение лица Хварита стало печальным:

«Ты действительно этого хочешь?»

«А что, если и так? Что они тогда будут делать?»

«Это невозможно», – Хварит пришёл в отчаяние.

«Пожалуйста, ответь мне. Ты же послушник, ты должен знать об этом. Допустим, наг заявляет, что хочет прожить со своим сердцем до самой смерти, что в таком случае делают хранители? Насильно вспарывают грудь?»

«Нет, ничего такого они не делают. Но я слышал о некоторых случаях, о которых тебе было бы полезно узнать. Несколько нагов по достижении 22 лет по определённым причинам не успели извлечь свои сердца».

«Что с ними произошло?»

«Женщин, конечно же, взяли под защиту их кланы, там они дождались следующего года и благополучно завершили ритуал».

«А мужчины?»

«Они самоотверженно скрывались до наступления следующего года. Однако никто из них не выжил. Все они были убиты».

«Убиты? Кем?»

«Не делай вид, будто не знаешь, Рюн. Ты же сам сказал, что неверующие не могут прийти к нам с юга». – После чего тихо добавил:

«Все они были убиты другими нагами».

Чешуйки на теле Рюна снова пришли в движение, выразив таким образом его несогласие.

Хварит сел на стул. На столе была коробка с едой для него и Рюна, которую он принёс с собой, однако атмосфера явно не располагала к трапезе. Хварит уставился на содержимое коробки:

«Рюн, через десять дней семья Фей больше не сможет защитить тебя. Ты станешь свободным нагом. Но между свободным нагом и свободной жертвой есть огромная разница. Если ты извлечёшь своё сердце, женщины будут воспринимать тебя как мужчину, но если же ты этого не сделаешь, никто не сможет отличить тебя от огненного клона токкэби. Тебя будут преследовать и, в конце концов, просто убьют».

Хварит повернулся и посмотрел на Рюна. В это время его рука замерла над коробкой. Вдруг она, как удар молнии, метнулась внутрь коробки, и когда Хварит вытащил оттуда руку, в ней дергалась огромная мышь. Она отчаянно пищала, но Хварит по-прежнему продолжал смотреть на друга:

«Тебя могут съесть».

Рюн Фей весь напрягся, глядя, как Хварит подносит мышь ко рту. Одновременно с хрустом костей прекратилось питание.

* * *

К северо-западу от горного хребта Кичжун находится гора Байсо. В этих землях обычно стоит низкая температура и дуют сильные ветра. Даже преисполненное гордостью солнце теряет здесь свою жизненную силу и превращается в безжизненный огненный шар, дрейфующий по небу. Тёмно-зелёные леса, покрывающие горы, лишь дополняют картину: они настолько густые, что в них становится душно.

По зелёному океану леса путешественник шёл по тропинкам вдоль горы Байсо. Его посох и плотная одежда ничем не отличались от одеяния любого другого путешественника, вот только голова его была гладко выбрита. Мужчина явно был монахом, но в этом районе хребта Кичжун его появление было весьма неожиданным: в округе не было ни одного храма, не говоря уже о деревнях. Тем не менее было похоже, что монах заблудился. Он целенаправленно спускался по долине Байсо, где недалеко от реки были видны очертания каких-то поселений. Это были хижины, построенные охотниками и старателями в небольшой впадине, защищённой от сильных ветров. Именно туда и направлялся монах-путешественник.

Внезапно вокруг стало очень темно. Монах подумал, что, возможно, солнце заволокло облаками, как вдруг ему в спину ударил сильный порыв ветра. Он повалился на землю, но, к счастью для себя, застрял в густых зарослях и не скатился на дно долины. Дрожа от страха, монах посмотрел на небо и замер, раскрыв рот от удивления. Из-за горы, с которой он недавно спустился, появился гигантский ханьльчи. Его грудные плавники были настолько огромными, что их невозможно было окинуть одним взглядом. Рот выглядел так, будто им можно было проглотить целую гору, а несколько тысяч глаз переливались множеством цветов. Монах отвёл взгляд, избегая прямой встречи с этими глазами, и не удержался от удивлённого возгласа. То, о чём все говорили, и в самом деле существует. Однако вместо роскоши и богатства, о которых так восторженно говорили люди, на спине у ханьльчи монах увидел лишь разрушенные башни, стены, колонны и крыши, плававшие в солнечном свете. Никаких строений, украшенных золотом и драгоценными камнями, не было.

Рождению подобных мифов, скорее всего, послужила банальная неправильная интерпретация отражения солнечного света, обусловленная человеческой жадностью. На спине ханьльчи покоились всего-навсего древние руины, покрытые толстым слоем пыли. Вместо драгоценных камней и жёлтого металла на солнце переливались толстые слои времени. Засмотревшись

на огромное существо, плывущее в небе, монах не сразу услышал шум внизу долины. Он сел на землю, нехотя отвёл взгляд от неба и посмотрел в сторону источника шума, после чего уже не смог скрыть своего удивления и беспокойства по поводу происходящего.

На дне долины стояли три запряжённые лошади. Казалось, что они были запряжены в повозку, но что-то было не так. Во-первых, на центральной лошади сидел всадник. Во-вторых, хотя лошади и были в упряжке, позади них не было никакой повозки. Вместо неё там стояли люди, крепко привязанные к упряжке длинными канатами. К их спинам было прикреплено то, о чём монах, конечно, знал, но сам никогда не видел. Это были огромные прямоугольные бумажные змеи, в несколько сотен раз превосходящие размеры своих обычных собратьев. Наконец монах догадался, зачем была нужна такая сложная конструкция из лошадей и людей.

В этот момент, должно быть, прозвучал сигнал, потому что лошади внезапно сдвинулись с места и побежали в одном направлении с сильными ветрами долины. Канаты натянулись, и пять воздушных змеев резко взлетели в небо. Монах понял, что лошади были нужны именно для этого, но он не был уверен, что змеи подлежат хоть какому-нибудь управлению и что с их помощью можно удержаться в воздухе. Он также заметил, что, помимо канатов, связывающих упряжку лошадей и змеев, были ещё одни. Он попытался рассмотреть, к чему те крепялся, и увидел, что это был гигантский шкив, закреплённый на земле. Он был поражён такой изобретательностью: лошади лишь подняли змеев в воздух, и как только те набрали высоту, их стали контролировать с земли с помощью шкива, который служил гигантской катушкой.

Всё случилось так, как предполагал монах: люди, привязанные к змеям, вытащили кинжалы и перерезали канат, связывающий их с упряжкой, после чего воздушные змеи взмыли ввысь. Другой канат был связан со шкивом, за ручки которого крепко ухватились мускулистые мужчины, контролирующие ход операции с земли.

Люди планировали забраться на спину ханыльчхи, используя воздушных змеев. *«Чрезвычайно смелый план»*, – подумал про себя монах. Хотя он и не верил в удачный исход происходящего, но был глубоко впечатлён их авантюризмом и в душе даже переживал за них, то и дело сжимая кулаки.

Внимание монаха привлёк один из воздушных змеев. Он держался в воздухе нестабильно, в отличие от других четырёх, которые летели должным образом. Монах присмотрелся к нему и увидел, что этот змей был всё ещё связан с упряжкой. Что же случилось? Он продолжил наблюдение и вскоре догадался, что человек на воздушном змее перерезал не тот канат. Он отрезал канат для управления, соединяющий змей со шкивом. Люди на дне долины кричали, а всадник, управлявший лошадьми, громко выплевывал ругательства от злости. Змей тянул упряжку с такой силой, что, казалось, её вот-вот поднимет в воздух. Тогда всадник принял серьёзное решение и вытащил меч из ножен. Монах хотел было крикнуть ему, но расстояние было слишком велико, чтобы его услышали.

Как только всадник разрубил канат, змей взлетел ввысь.

Монах резко вскочил на ноги и уставился в небо. Уносимый ветром, змей всё сильнее отдалялся от земли. Монах почувствовал, что ему стало невыносимо жаль человека, летевшего на нём. Должно быть, он был напуган до смерти. Наконец, змей начал понемногу снижаться. Его относил к горному хребту, как раз к тому месту, где стоял монах. Он отвернулся, чтобы не видеть, как человек разобьётся о землю. Но услышав звук падения, он сразу же побежал к месту происшествия, по дороге пытаясь успокоить своё колотящееся сердце. Пробираясь через поваленные деревья, монах представлял себе ужасающую сцену, которую ему вот-вот предстоит увидеть. Однако его взору открылась невероятная картина.

Человек пытался освободиться от каната, запутавшегося в обломках воздушного змея, и проклинал всё, что попадалось ему на глаза. Монах не мог поверить своим глазам. Даже если скорость падения змея замедлилась, удар был достаточно сильный, чтобы человек разбился насмерть. Кто же он такой?

Монах наконец заметил, что рост этого человека достигал почти трёх метров. Из-за абсурдно большого воздушного змея, он до сих пор не замечал, насколько гигантским был человек, но теперь понял, что происходит на самом деле. Не совладав с волнением, монах проговорил дрожащим голосом:

– А... с вами всё в порядке?

– Лучше всех! Подумаешь, упал на землю с невероятной высоты!

Фигура повернулась, и монах съёжился, увидев страшный клюв.

– Я проходил мимо и увидел, как вы упали. Вы не ранены?

– Я в порядке, чёрт побери! Всё просто отлично! Ты это хотел услышать? – разгневанное существо немного смягчило голос.

– Это невероятно... Упасть с такой высоты и даже не пораниться. Вы бы погибли, не будь вы леко́ном.

Лекон щёлкнул клювом. Это было действие, равнозначное фырканию у человеческой расы. Монах, не скрывая своего удивления, окинул взглядом тело существа. Повсюду были царапины, перья намокли от крови, но на первый взгляд серьёзных ран не было. Не веря своим глазам, монах всё же хотел лично удостовериться, что всё на самом деле в порядке. Однако лекон, совершенно не обращая внимания на монаха, пристально наблюдал за остальными воздушными змеями, всё ещё парящими в небе. Монах присоединился к его занятию и тоже поднял глаза к небу. Четыре змея приближались к ханыльчхи.

– Ещё немного! Совсем немного! О боги, пожалуйста! Ну же, ослабьте верёвки! – лекон нетерпеливо топал ногами.

Однако удача была далеко, где-то в ста метрах от этих отчаянных авантюристов. И когда до цели оставалась эта сотня метров, канат закончился. Воздушные змеи зависли в воздухе, а привязанные к ним люди не знали, что делать дальше, в то время как ханыльчхи неторопливо пролетал над ними. Оставшиеся в долине люди должны были срочно что-то предпринять, прежде чем воздушные змеи окажутся в опасности. Заметив, что они начали натягивать веревки, чтобы вернуть змеев на землю, лекон закричал: «Нет!» – и упал на землю, схватившись за гребень.

– Это был поистине смелый план, – монах попытался его утешить. – Он действительно мог сработать. Если бы ханыльчхи пролетел хоть немного ниже, у вас бы обязательно всё получилось.

Лекон совершенно не слушал монаха. Он только смотрел на хвостовой плавник ханыльчхи, который медленно исчезал далеко в небе, как всегда, с неизменным видом. Ни то, что он впервые за несколько тысяч лет своего одинокого полёта чуть не встретился с земными существами, ни то, что для этой встречи людям не хватило всего лишь ста метров, казалось, не оказало на ханыльчхи никакого влияния. С абсолютно безразличным видом, растворяясь в облаках, он уплывал за горизонт.

Прошло много времени, прежде чем образ ханыльчхи окончательно исчез за горным хребтом. Охваченный волнением, монах обернулся на лекона, когда услышал, как тот встал и отряхнул перья. Лекон посмотрел на сломанного воздушного змея, что-то пробурчал, а затем громко закричал от злости:

– Робс, ты ублюдок! Я убью тебя! Не хватило всего лишь ста метров!

Монах не знал, кто такой Робс, но предположил, что его жизнь была в опасности. Он попытался остановить лекона, но уже в следующий момент тот бегом спускался с горы. Создавалось впечатление, что он не бежит, а летит вниз по склону. Монах последовал за ним. Не имея возможности перевести дыхание, он торопливо спустился в долину и понял, что ситуация была не такой уж и серьёзной. Лекон кричал на какого-то волосатого человека, который предположительно был Робсом, и, что удивительно, тот не выглядел удручённым. Более того, он активно спорил с ним:

– Если бы ты, ублюдок, не настоял на своём безумном желании полететь на этом змее, у нас бы осталось достаточно каната! К тому же ты сам совершил ошибку: перерезал не тот канат и угробил змея!

От удивления монах широко раскрыл глаза. Обычный человек не позволил бы себе такое поведение. Только равные лекону могли так грубо с ним разговаривать. С удивлением наблюдая за Робсом, монах только спустя некоторое время смог понять его истинную сущность. Лекон стыдливо ответил:

– Черт возьми, я был взволнован. Я был слишком взволнован, думая, что нам наконец удастся добраться до ханыльчхи... Подожди-ка, но даже если бы я перерезал правильный канат, у нас бы всё равно ничего не получилось! Остальным ведь тоже не удалось до него добраться!

– Значит, ты не должен был настаивать на своём желании лететь на змее! Мы же отговаривали тебя! Из-за твоего упрямства нам не хватило каната! Его не осталось именно потому, что нам нужно было тебя поднимать!

Лекон тяжело выдохнул, но ничего не смог ответить. Казалось, что и собравшиеся вокруг люди только ухмылялись, словно знали, что всё обернётся именно таким образом, и поэтому несколько не беспокоились за жизнь Робса.

– Эй, монах, а ты чего здесь забыл? – Робс наконец заметил молчаливого зрителя.

Монах не обратил внимания на такую грубость. Если его предположения были верны, то Робс не был человеком. Поэтому монах вежливо сложил руки и поклонился:

– Меня зовут Оренбл. Я пришёл, потому что у меня есть дело к лекону.

Услышав это, лекон удивлённо заморгал:

– Что это значит? Разве ты не сказал, что просто проходил мимо?

– Сказал, но я направлялся именно сюда. Я пришёл встретиться с леконом по имени Тинахан, предводителем тех, кто здесь живёт. И, кажется, я нашёл его.

– Да, Тинахан – это я. Зачем я тебе понадобился?

– Я пришел из Великого Храма Хаинса.

Гребень Тинахана напрягся. Робсу тоже стало не по себе, и, озираясь вокруг, он торопливо проговорил:

– Ах вот оно как. Не хотите ли ненадолго зайти?

– Вы приняли образ человека? – спросил монах Робса.

– Что? Ах нет. Я токкэби. Вы предпочитаете, чтобы я был человеком?

Оренол слегка улыбнулся и склонил голову перед Собирателем душ:

– Поскольку по внешнему виду вы – человек, я бы предпочёл, чтобы вы были человеком.

Как и предполагал Оренол, Робс был Собирателем, обладающим несколькими душами. В противном случае он не посмел бы так обращаться с леконом. Во время спора с Тинаханом Робс, вероятнее всего, призвал душу лекона, что позволило ему общаться с ним на равных.

Призвав по просьбе Оренола душу человека, Робс вместе с Тинаханом повёл монаха в хижину. Остальные тоже попытались последовать за ними, но Робс всех прогнал.

В хижине было темно и грязно. Тинахан расчистил часть стола, заваленную всяким мусором, и предложил Оренолу стул. Робс достал из сундука бутылку чего-то алкогольного и чашки, но монах отказался от спиртного. Тогда тот пожал плечами, убрал чашки и, отпив прямо из бутылки, протянул её Тинахану:

– Другого ничего нет. Может, хотите воды?

– Нет, спасибо. Я очень удачно угадал с датой визита. Смог увидеть столь интересное зрелище.

– Если бы Тинахан не был таким упрямым, вы бы смогли увидеть наш триумф. – Сказав это, Робс посмотрел на Тинахана. Тот лишь щёлкнул клювом, на что Оренол улыбнулся. Как

только все замолчали, хижина наполнилась тишиной. Будто не в силах больше терпеть, Тинахан закричал:

– Ладно! Ты назваля Ороолом, да? А времени-то сколько прошло?

– Полгода.

Тинахан с испуганным лицом оглянулся на Робса. Пот, бледнея, заговорил:

– Уже столько... нет, как могло пройти столько времени? Я приношу свои извинения. Я не следил за временем, находясь в таком глухом месте. Я совсем не собирался вас обманывать.

– Я знаю. Великий Храм не сомневался в вашей верности. Мы подумали, что произошло явное недоразумение, и меня отправили узнать, в чём же дело. – Сказав это, Орооло виновато улыбнулся: – Я пришёл в надежде увидеть ваш успех.

– У нас бы всё получилось! Ты же сам видел!

Тинахан ударил по столу, и тот развалился на куски. Орооло и Тинахан испуганно посмотрели на сломанный стол, а Робс, хватаясь за голову, издал стон:

– Ты всё портишь, чёрт возьми.

Тинахан понурил голову. Робс отпихнул сломанный стол и, немного успокоившись, заговорил:

– Я скажу вам правду. Прямо сейчас мы не можем выплатить даже проценты, не говоря уже об основной сумме. Нам бы пришлось отдать вам даже этот стол, если бы наш уважаемый генерал не сломал его. Но я верю, что у нас всё может получиться. Вы же сами видели, что наш план практически безупречен, просто его нужно ещё немного доработать.

– О да. Это было поистине захватывающее действие. Когда я отправлялся в путь, меня одолевали сомнения. Мне казалось, что добраться до ханьльчхи невозможно. Но, думаю, теперь я могу в это поверить. Конечно, выглядит это чрезвычайно опасно, но, похоже, действительно может сработать. Только как вы планировали спуститься, если бы у вас получилось добраться до него?

– Мы бы использовали те же канаты, по которым поднялись. Если бы воздушный змей долетел до ханьльчхи, мы бы отрезали канат от шкива. Так люди смогли бы спуститься на землю.

Орооло посчитал эту идею крайне опасной. Он бы ни в одной из своих жизней не согласился спускаться по канату с высоты в две тысячи метров. Не желая даже думать об этом, монах быстро попытался сменить тему:

– Понятно. Тем не менее пока вы ещё не можете этого сделать, так ведь?

– У нас всё получится! Пожалуйста, дайте нам ещё немного времени. Представьте, что это была контрольная репетиция нашего плана. Теперь и подготовка, и репетиция закончились, и в следующий раз мы обязательно добьёмся успеха!

– Надеюсь, что так и будет.

В ответ Робс широко открыл глаза:

– Вы дадите нам время?

Тинахан тоже полными надежды глазами посмотрел на Орооло. Монах снял с запястья чётки и, перебирая их, спросил:

– Сколько нам ещё ждать?

Робс немного замялся, а затем сказал:

– Нам потребуется ещё около шести месяцев.

Орооло пристально посмотрел на Робса, и тот покраснел под его взглядом:

– Вы предлагаете мне подождать ещё полгода? – тихо, но строго произнёс Орооло.

– Через полгода у нас точно всё получится. Мы уже долго изучаем передвижение ханьльчхи. Подождите минуту. У меня всё записано. – Робс принёс из угла хижины толстый журнал. Тот представлял собой связанные листы пергамента с обтрёпанными краями, что говорило о том, что им часто пользовались. Робс начал показывать какие-то цифры и символы, записан-

ные в книге. Оронол почти ничего не понял, но зато смог уловить самое важное: Робс был уверен, что в течение следующих шести месяцев в долине Байсо пролетят семь ханьльчхи, двое из которых на подходящей высоте.

– Оставшиеся пять намного больше по размеру. Никто не знает почему, но чем величественней эти создания, тем выше они летают. Понятное дело, чем внушительнее по размеру ханьльчхи, тем больше руины, но долететь до них совсем не просто. Даже здесь, в долине Байсо, где дуют самые сильные ветры, мы не сможем взлететь так высоко. Нам под силу достать только таких маленьких, как тот, что пролетал сегодня. – В этом месте Оронол издал стон.

– Это единственная высота, на которую мы можем взлететь на наших воздушных змеях. Чтобы дожидаться таких малюток, нам нужно ещё шесть месяцев.

– Спасибо за ваше объяснение, но всё же оно вызывает у меня беспокойство.

Глаза Робса злобно сверкнули:

– Беспокойство?! У вас есть какие-то сомнения по поводу наших расчётов?

Судя по тому, что интонация Робса внезапно изменилась, в нём снова возобладала душа лекона. Оронол осторожно сказал:

– Вовсе нет! Я сегодня впервые в жизни увидел ханьльчхи. А беспокоюсь я о вас. Вы же сказали, что не можете вернуть даже проценты, тогда как вы думаете жить здесь в течение следующих шести месяцев?

Робс поморгал, тяжело вздохнул и закрыл журнал. Тинахан, нахмутив брови, проговорил:

– Чёрт возьми, это будет трудно. Но мы сделаем это. В горах Байсо мы сможем найти себе пропитание. Как-нибудь уж переживём эти шесть месяцев. Так что не беспокойтесь за нас. Вам просто нужно продлить срок погашения долга.

– Вас много, включая лошадей.

– Мы справимся. С помощью лошадей мы засеём поля.

– Если вы все умрёте с голоду или сбежите, вы не сможете вернуть нам деньги.

– Этого не произойдёт! Я доберусь до этого чёртового ханьльчхи!

Оронол снова начал перебирать чётки. Этот звук действовал Тинахану на нервы, но у лекона хватило ума не сказать об этом вслух. Робс приготовился закрыть уши, чтобы не слышать, как молодой монах скажет, что он не верит в осуществление их плана и поэтому конфискует всё снаряжение, когда Оронол вдруг произнёс:

– Я хочу сделать вам предложение.

– Что? Какое предложение?

– Великому Храму нужен лекон.

– Лекон?

– Да. Великий Храм хочет попросить вас, Тинахан, об одолжении. Если вы выполните эту услугу, мы освободим вас от уплаты долгов, а также предоставим вам деньги на грядущие полгода.

Тинахан и Робс не могли поверить своим ушам. Робс первым пришёл в себя и спросил:

– Что за услуга?

– Вы снова человек? Прошу меня извинить, но рассказать об этом я могу только тому, кто возьмётся за это дело. Однако спешу заранее предупредить вас, что выполнение задания займёт около четырёх месяцев и что оно очень опасно.

Робсу показалось, что последние слова монаха предназначались Тинахану. Лекон никогда не откажется от выполнения опасной задачи. Действительно, будто всё это было шуткой, Тинахан спросил:

– Хм, и насколько же это опасно?

Но Оронол был серьёзен. Он с беспокойством посмотрел на лекона:

– Не знаю, можно ли провести такую аналогию, но это столь же опасно, словно броситься в воду.

Гребень Тинахана застыл в напряжении.

* * *

Когда люди с помощью света ламп и пламени свечей изгнали ночь, она потеряла своё место и стала скитаться по миру. Тогда один токкэби пожалел её и позволил навсегда остаться в его мире. Вместе с ночью в его руках оказались и пять её дочерей: Смута, Страсть, Интрига, Скрытность и Грёза. С их помощью он построил огромный замок. Повод был достоин истинного токкэби: он счёл, что это будет очень забавно.

Смута отвечала за внутреннее устройство замка, в то время как Страсть определила его внешний вид. Интрига же продумала бесчисленные лабиринты, западни и ловушки, а Скрытность установила подземные ходы, потайные двери и пароли. А вот каким образом повлияла на возведение замка Грёза, самая младшая дочь ночи, до сих пор остаётся тайной. Ведь она по сравнению со своими старшими сёстрами совсем другая. С одной стороны, она всецело принадлежит ночи, но в то же самое время обладает чертами, представляющими полную ей противоположность: ночь прячет, утаивает, покрывает, а Грёза, наоборот, обнажает, обнаруживает и раскрывает. Такие черты, к удивлению, делают её похожей и на день. Но в то же самое время Грёза обладает чертами, которые проявляются только во тьме, которые, подобно звёздам, невозможно увидеть при свете дня, что и доказывает её принадлежность к ночи. Младшая дочь, имея такой противоречивый характер, вместе с сёстрами участвовала в строительстве замка, однако до сих пор неизвестно, как и в чём это участие проявилось. Но даже и без Грэзы замок, названный Замком Тысячи Миров, не утратил бы своей загадочности.

Кастелян, управляющий замком, – единственный человек, который знает точное количество этажей и расположенных на них комнат, коридоров и лестниц. Безусловно, какие-то вещи хорошо известны и тем, кто часто посещает замок. Например, то, что попасть на четвёртый этаж главного здания можно только с седьмого этажа; или то, что если трижды завернуть направо в любом коридоре замка, то можно прийти в главную столовую. А если, стоя на вершине Восточной башни, дважды повернуться против часовой стрелки, можно приземлиться прямо в кабинете кастеляна. И каждый, кто занимал эту должность, заранее подготавливал для посетителей особый приём, а именно раскладывал на полу в центре кабинета кучу железных гвоздей либо клал подушку или ставил зажжённую свечку. Так, поджечь подол платья невесты в первую брачную ночь было вполне в духе токкэби, чего никак не скажешь о приземлении на гвозди. Подобные шутки, скорее всего, являются просто выдумками людей, которые всеми способами пытаются очернить имя токкэби. Хотя кто знает наверняка...

Сабин Хасубн, занимавший должность военачальника в замке, стоял на вершине Восточной башни и с грустью смотрел в ночное небо. И страшился он отнюдь не предстоящей встречи с гвоздями, как это бывает обычно. Какое-то время назад он увидел, как кастелян несёт ведро, доверху наполненное фекалиями жуков.

Вообще, приземляться в кабинете кастеляна чаще других – удел Пихёна, дворецкого замка. Однако сейчас военачальник держал в руках письмо, которое необходимо было передать кастеляну лично в руки. Вздыхнув, Сабин с чувством безысходности дважды повернулся кругом через левое плечо. Обстановка вокруг начала меняться, и он оказался на полу в кабинете кастеляна.

Сабин в растерянности встал на ноги. На полу ничего не было. Потирая ушибленную спину, он обернулся и посмотрел в сторону стола. Одиннадцатый кастелян замка, Па́у Моридёл, смотрел на Сабина, держа в руке лопатку. Сабин увидел стоящие рядом с кастеляном ведро и цветочные горшки и наконец почувствовал облегчение.

– Доброй ночи, кастелян. О, так содержимое ведра предназначалось не для меня?

– О чём это ты?

– Да я просто подумал, что вы хотите разложить это на полу... – Сабин запнулся, когда понял, что подал кастеляну хорошую идею.

– Хм-м... – задумчиво протянул кастелян.

Когда Сабин увидел блеск в глазах Пау Моридола, он мысленно извинился перед следующим посетителем. Но в то же время подумал, что кое-кого было бы неплохо прямо сейчас отправить к кастеляну.

– Итак, что тебе нужно? – Кастелян Пау раздражённо посмотрел на Сабина, полностью погружённого в свои мысли.

– Я вот тут подумал: разве для растений солнечный свет не важнее удобрений? В замке довольно темно.

– Зачем ты пришел?!

Сабин ухмыльнулся. Почувствовав, что кастелян уже готов его выгнать, он решил сразу приступить к делу, придвинул к себе стул и сел.

– У этого хитрого жука кима, который побрил голову налысо, есть для вас послание.

– А, это тот ким, который называет себя монахом. Но почему ты пришёл сам? Что делает Пихён?

Сабин пожал плечами:

– Так захотел ким. Вы же знаете, как люди относятся к важным, по их мнению, делам?

– Как же?

– Они считают, что об этом должен знать лишь узкий круг людей.

– Ах, даже так?

– Это всего лишь мои предположения, но люди считают, что важность дела сохраняется, когда о нём знают немногие. Довольно странный способ мышления, не так ли? Ведь чем больше кимов знают об этом, тем на большую помощь можно рассчитывать.

– И тем больше может быть недоброжелателей, которые захотят помешать.

– Только сумасшедший посмеет встать на пути этого кима, тем более если речь идёт о столь важном деле.

– Ты же знаешь, он всегда слишком осторожничает. В любом случае, раз он этого хочет, пусть будет так. Будем знать только мы. Что это за сообщение?

– Он попросил направить к ним одного токкэби.

– Для чего?

– Они формируют спасательный отряд, чтобы пойти на юг от Предельной границы и спасти нага. Для этого им нужен токкэби.

Услышав это, Пау Моридол с изумлением посмотрел на военачальника. Он, конечно, знал, что Сабин хочет разыграть его и каждый день придумывает самые разные способы сделать это. Но он был уверен и в том, что военачальник не посмеет так поступить, будучи ниже рангом. Кастеляна даже забавляла эта ситуация: Сабин каждый день имеет десятки шансов разыграть его, но ни разу так и не смог ими воспользоваться. Однако на этот раз военачальник явно не шутил.

– Ким решил привести нага на север? С какой целью?

– Люди не назвали мне причину. Вероятно, это тоже нужно держать в секрете.

– Об остальных членах этого отряда тоже ничего не известно?

– Нет, об этом он не рассказал мне. Кажется, ким следует тому старому преданию, которое гласит, что только трое могут выступить против одного. Помимо токкэби, в отряде будут человек и лекон.

– Довольно любопытно. Какое вознаграждение они предлагают?

– 200 золотых слитков.

– Весьма недурно. Тогда, может быть, мне самому пойти... Эй, подожди, а что это с твоим лицом?

– Да так, ничего. Я просто думаю, кого бы мне поддержать на следующих выборах кастеляна, – саркастично ответил Сабин.

Глядя на довольное лицо военачальника, кастелян что-то невнятно прорычал, а затем продолжил с серьёзным видом:

– Итак, кого мы отправим?

Сабин наигранно удивился:

– Вы намерены кого-то послать? «Трое на одного» – это просто старая поговорка. Этот дурацкий отряд погибнет, как только войдёт в Киборэн. Это задание невыполнимо.

– Почему нет?

– Они не знают, с чем им предстоит столкнуться. Где они найдут человека, который хорошо знает Киборэн и нагов?

– Вообще есть такой человек.

– Кто?

– Именно тот, кто станет одним из членов этого отряда. Хотя это всего лишь мои догадки, но на ум мне приходит только один человек, который знает всё о нагах и Киборэне и который способен возглавить такой отряд.

– Кто же это?

– Кейгон Дракха.

Сабин был удивлён, ведь он знал это имя. Оно принадлежало легендарному охотнику, который больше двадцати лет назад в поединке одолел самых сильных токкэби.

– Он всё ещё жив?

– Да, он живёт неподалеку от границы, отлавливает нагов и ест их.

Сабин попытался рассмеяться. Он не понимал Пау, но думал, что это какая-то шутка. Однако лицо кастеляна не выражало веселья.

– В каком смысле «ест»?

– В прямом: охотится на нагов, а затем ест их.

Сабин вытянул руки и сделал вид, будто хватается пищу руками и подносит её ко рту. Кастелян одобрил его пантомиму, и лицо Сабина побледнело:

– Он сумасшедший?

– Говорят, что он готовит их на костре.

– Ах вот как... Что?

Кастелян сложил руки на коленях и, не зная, с чего следует начать, заговорил:

– Кейгон ненавидит нагов. Он ненавидит их так сильно, что в самом деле ловит их неподалеку от северной границы, рубит на куски и варит.

Сабин нервно сглотнул:

– Если его ненависть настолько сильна, что он даже ест их, разве люди не должны считать его психом, вместо того чтобы восхвалять?

– У него на всё есть свои причины. К тому же, как ты знаешь, нагов, не имеющих сердца, очень трудно убить.

– А, так вот почему он их варит. Значит, в кипящей воде они теряют способность к регенерации? Но ведь он всё равно не обязан их есть, верно?

– В таком случае это была бы пустая трата мяса.

Военачальник уставился на кастеляна как на сумасшедшего. Тот улыбнулся и махнул рукой:

– Именно так мне ответил Кейгон, когда я задал ему такой же вопрос. Однако у него есть и другие причины. Подожди секунду. – Кастелян стал искать что-то в ящике своего стола, а

затем вынул старый пергаментный свиток. – Это письмо, которое прислал Кейгон шесть лет назад. Прочти его.

Сабин с опаской взял письмо и начал читать:

«Приветствую Вас, это Кейгон.

Какое-то время от меня не было известий. Как Вы знаете, в этих заброшенных землях вблизи границы гораздо легче раздобыть оружие, чем письменные принадлежности. Вчера я случайно наткнулся на торговца, у которого был пергамент, поэтому теперь я наконец могу связаться с Вами.

Я обдумал то, о чём Вы написали в своём последнем письме. Однако я решил, что не могу перестать делать это. Да, я всё ещё ем нагов. Я не хочу, чтобы мои слова звучали ужасающе, но я не чувствую никакой необходимости скрывать это.

Вы слышали легенду о племени Китальчжо – знаменитых охотниках на тигров? Когда охотника съедает тигр, о ребёнке погибшего заботятся соплеменники. Они учат его всему, что умеют сами. Когда племя решает, что сын готов отомстить за отца, они вместе отправляются на охоту. После поимки тигру вспарывают живот, вынимают печень, и сын погибшего охотника съедает её.

Так вот, я и есть тот «сын, который мстит за отца».

Наги присвоили всё, что было ценно и значимо для меня, оставив мне только моё изуродованное тело. Возможно, когда-нибудь они съедят меня, но сейчас их ем я. Я стараюсь не приближаться к южной границе, но когда я преследую ослабленного нага, в какой-то момент я понимаю, что снова оказался в этом проклятом лесу. Осознание того, что я по своей воле потерял то единственное расовое преимущество, которое у меня было, заставляет меня, словно нага, почувствовать озноб даже под палящим солнцем тропического леса. И хотя я сразу же возвращаюсь на север, через пару дней я снова оказываюсь в таком же положении. Но однажды, когда я больше не смогу сражаться, я умру. Не страшно, если Вы забудете о смерти такого безумца, как я.

Я так или иначе сойду с ума».

Вместо подписи были изображены странные символы. Сабин вопросительно посмотрел на кастеляна, и тот поспешил объяснить:

– Это символы охотников Китальчжо. Чёрный лев и дракон.

– Почему именно эти животные?

– Они были истреблены нагами. На охотничьем языке эти символы читаются как «Кейгон Дракха». Так он и выбрал себе имя.

– Выходит, это не настоящее его имя? – спросил Сабин, возвращая письмо.

– Да, но без согласия Кейгона я не могу сказать тебе его настоящее имя.

Кастелян положил письмо обратно в ящик и посмотрел на военачальника:

– Так что ты думаешь?

– Получается, он мстит нагам, используя методы охотников на тигров, исчезнувших сотни лет назад? Убивает и ест своих врагов?

– Можно сказать и так.

– Что же тогда сделали ему наги, чтобы заслужить такую жестокую месть?

– Поистине ужасные вещи.

Сабин ждал, когда кастелян продолжит, но тот больше ничего не сказал. Сабин хотел было безучастно кивнуть, как вдруг почувствовал что-то странное и посмотрел на кастеляна, лицо которого в тот миг исказилось.

– Это было действительно ужасно.

– Что случилось? – внезапно обеспокоенно спросил Сабин, осторожно подбирая слова.

Кастелян, охваченный мучительными воспоминаниями, покачал головой:

– И о прошлом Кейгона я тоже не могу рассказать без его согласия. В любом случае можно сделать вывод, что он знает о нагах и Киборэне куда больше остальных. Очевидно, что хищник хорошо знает свою добычу.

– Это так, но я, отправляясь в такое опасное место, предпочел бы удостовериться, что мой спутник в своём уме, – неловко проговорил Сабин. – Будет досадно, если вдруг он решит, что мясо нагов ему надоело, и теперь для разнообразия он захочет отведать мяса токкэби.

Хотя военачальник не сказал ничего смешного, кастелян громко рассмеялся:

– Не волнуйся об этом. Вся ярость Кейгона направлена только на нагов. Невозможно разозлить его сильнее, чем это сделали они.

– Невозможно, говорите?

– Именно так. Как было сказано в письме, в этой жизни у него ничего не осталось: наги забрали у него всё. Это может показаться парадоксальным, но Кейгон совершенно не представляет угрозу для тех, кто не является нагом.

– Это очень печальная история.

– Да, это действительно так. В любом случае я могу поручиться за Кейгона.

Сабин не мог полностью согласиться с кастеляном, но в то же время он не испытывал желания спорить с ним. Есть несколько вещей, которые не нужно делать по отношению к кастеляну, и попытка опровергнуть его высказывания является одной из них. Поэтому Сабин вернулся к первоначальной теме разговора:

– Если этот Кейгон не представляет опасности для отряда и часто имеет дело с нагами, то он действительно является лучшим кандидатом из людей на то, чтобы присоединиться к команде. А что насчёт нас? Вы решили отправить кого-нибудь?

– Согласно пословице, только трое могут пойти против одного. Токкэби должен стать третьим. Поэтому я должен кого-нибудь отправить.

– Кого же?

– Но ты ведь не претендуешь на эту роль, правда? Нет такого токкэби, который не знал бы хоть немного о нагах или Киборэне. Поэтому в принципе все токкэби одинаково подходят для этой задачи. Нет необходимости долго думать об этом. Я пошлю первого токкэби, который войдёт в эту комнату.

– ... первого?

– Да.

Если бы они были не в замке, Сабин бы просто проигнорировал слова кастеляна только потому, что их сказал кастелян, а он, как известно, не отличается особой мудростью. Но в стенах замка с мнением кастеляна приходилось соглашаться, поэтому Сабин не стал требовать дальнейших объяснений, а лишь спросил:

– Могу ли я здесь подождать? Если я выйду наружу, я рискую стать этим неудачливым токкэби.

Кастелян рассмеялся и вместе с военачальником стал ждать.

Ожидание не было долгим. Спустя некоторое время один сердитый токкэби приземлился в кабинете кастеляна, увидел военачальника и громко закричал:

– Военачальник! Вы что, хотите отнять у меня работу? Тогда клянусь именем Бога, который убивает себя, теперь я займу Вашу должность военачальника! Вы согласны с этим?

Было видно, что Пихён Срабл, молодой дворецкий кастеляна, свою работу любит. Сабин покачал головой, думая, как же Пихёну не повезло, а кастелян Пау сказал, ухмыляясь:

– Это будет весьма затруднительно. Потому что тебе придётся присоединиться к спасательному отряду.

Пихён Срабл, хлопая глазами, повторил за кастеляном:

– Присоединиться к спасательному отряду?

– Да. Тебе нужно будет попасть в место, где никто не был уже пару сотен лет, и кое-кого там спасти.

Глава 2

Серебристые слёзы

КОРОЛЬ-ГЕРОЙ СКАЗАЛ: «ЧТО? ВЫ ГОВОРИТЕ, ЧТО НАГИ ЛЬЮТ СЛЁЗЫ? НЕ МОЖЕТ ТАКОГО БЫТЬ. ПОЗВОЛЬТЕ, Я ДАМ ВАМ СОВЕТ. В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ПОСМОТРИТЕ НА НИХ НЕ В ДОЖДЛИВУЮ ПОГОДУ. ВЫ НЕ УВИДИТЕ ИХ СЛЁЗЫ, КОГДА СВЕТИТ СОЛНЦЕ».

ФЭН ДЖОИЛЬ «КОРОЛЬ-ГЕРОЙ, КОТОРЫЙ И НЕ ГЕРОЙ, И НЕ КОРОЛЬ»

Рюн Фэй лежал на спине на холодном каменном алтаре. Вокруг ничего не было, он был совершенно один, словно персонаж картины, у которой нет фона. Тут он поймал себя на мысли, что живопись и музыка – это искусство, чуждое нагам. Так же как равнодушие к музыке обусловлено плохим слухом, причина, по которой наги не воспринимают живопись, объясняется особенностями строения их глаз. Для нагов, которые с помощью своего зрения могут различать тепло и холод, даже шедевр величайшего среди людей живописца будет выглядеть ненамного красивее, чем простой кусок ткани. Для них существует лишь ограниченный спектр цветов, а поскольку тёплую и холодную краски ещё не изобрели, картины не представляют для них никакой художественной ценности. Вот почему для нагов было неестественно представлять себя персонажами картины. Однако Рюн Фэй хорошо знал, откуда у него появились подобные размышления. И вместе с тем отчётливо понимал, что никогда ни с кем не сможет поделиться ими. Это была его позорная тайна.

Рюн быстро огляделся по сторонам, чтобы проверить, мог ли кто-то другой прочесть его мысли. В это время из темноты, будто выжидая подходящего момента, появились холодные тени. В руках у них были кинжалы, блеск которых казался куда холоднее, чем их тела. От страха Рюн закричал, но наги, приближавшиеся к алтарю, никак не отреагировали на его голос. Тогда он поспешно попытался использовать нирым, но был потрясён, когда понял, что не может этого сделать.

– Почему у меня не получается? Я больше не наг?

Рюн хотел было пошевелить руками, но понял, что они привязаны к алтарю. Пока он тщетно пытался высвободиться, тени вмиг окружили его, а одна из них резким движением разорвала его рубашку. Услышав звук рвущейся ткани, Рюн испуганно посмотрел на свою грудь. Под жёсткими чешуйками он чувствовал, как пульсирует его сердце. Оно билось с такой силой, что Рюну казалось, будто он мог видеть его. Он посмотрел на нагов вокруг себя и задрожал, увидев холодную тьму там, где раньше были их сердца. Все они уже избавились от них и сейчас собирались сделать то же самое с сердцем Рюна.

– Подождите! Я не наг! Это ошибка! Если вы заберёте моё сердце, я по-настоящему умру! – кричал Рюн, срывая голос.

Несмотря на плохой слух, хранители всё же смогли услышать его, но не подумали и сдвинуться с места. Все, кроме одного нага, который стоял справа от алтаря. Он высоко поднял кинжал над грудью Рюна. В темноте тот ярко сверкал, отражая всевозможные цвета и температуры. Когда Рюн снова попытался закричать, кинжал беспощадно вонзился ему в грудь.

Рюн не смог издать ни единого звука.

Цвет, который он увидел, не был похож на тот, который неверующие называют красным. Горячая кровь, хлынувшая из его груди, представлялась Рюну ярким разноцветным фонтаном. Температура горячего тела начала смешиваться с холодным воздухом, поэтому над его рас-

крытой грудью раскинулся целый карнавал цветов. На мгновение Рюн, замороженный красотой этой сцены, даже забыл о боли.

Внезапно хранитель протянул свою руку, и Рюн увидел, как она погружается в его грудь. В этот момент он почувствовал, что его дыхание остановилось. Вслед за грубым движением руки из грудной клетки хлынуло нечто, напоминающее яркую огненную реку. Это была кровь.

В руке у хранителя лежал пылающий драгоценный камень. Он был окружён потоками тепла, которые пульсировали и распространялись по комнате, словно северное сияние. Сердце Рюна. Оно билось с таким отчаяньем, что, казалось, прожигало даже тьму, окружавшую его. Благодаря исходившему из своей груди свету Рюн смог разглядеть лицо своего убийцы: им оказался он сам.

«Сон, в котором нельзя использовать нирым», – задумчиво протянул Хварит. «Рюн, во-первых, Ритуал Извлечения проходит совсем не так. А во-вторых, в своём сне ты описал скорее сердце теплокровных неверующих, наше ведь выглядит не совсем так. У тебя слишком сильно разыгралось воображение. Хотя я и признаю, что что-то мистическое в этом определённо есть», – немного подумав, добавил он.

Хварит Макероу снова улыбнулся, чтобы разрядить обстановку, но Рюну было совсем не весело.

«Ладно, извини. Это был ужасный сон. Похоже, Церемония Извлечения беспокоит тебя больше, чем я думал. Но это просто иллюзия, вызванная твоим страхом. Только токкэби верят в то, что сны могут предсказывать будущее», – пытаясь сгладить углы, мягко проговорил Хварит.

«Люди тоже в это верят», – отрешённо проговорил Рюн.

«Разве? Ну, может, и так. Они с токкэби соответствуют друг другу по уровню глупости», – вновь улыбнулся Хварит.

«Я тоже хочу в это верить».

Хварит оборвал поток мыслей и пристально посмотрел на своего друга. Ничего подходящего не приходило в голову, поэтому он переключил всё своё внимание на обеденный стол. На столе лежали мыши. У них не было видимых повреждений, но они не убежали, а только слегка дрожали. Такого потрясающего результата могла добиться только Само Фэй – одна из старших сестёр Рюна.

Имя Само Фэй обычно вызывало у жителей Хатенграджа крайне неоднозначную реакцию. Положительно к ней относятся в основном мужчины, ведь Само всегда любезна с ними и при этом никогда не пытается заманить их к себе в постель. Старшая сестра Хварита, Сомерб Макероу, мягкая по характеру, но считающая честность своей главной добродетелью, однажды высказалась о поведении Само, которое, как ей кажется, полностью противоречит традиционным отношениям женщин и мужчин, сказав: «Да она только притворяется! Какая может быть польза от мужчин, если вы не спите с ними?» Большинство женщин не любят Само, потому что из-за неё все мужчины стремятся попасть в клан Фэй, где они могут проводить время, не беспокоясь о том, что их затащат в спальню.

Подняв ещё тёплую мышь, Хварит задумался о том, можно ли объяснить странное поведение Само тем, что это является своеобразной гарантией её комфортного проживания в клане.

«Сколько мужчин сейчас живёт в этом доме?» – решил проверить свои догадки Хварит.

«Восемь».

Хварит кивнул в знак подтверждения своих мыслей. Сейчас в клане Фей всего две женщины детородного возраста. При таком количестве мужчин им не составит труда удачно забеременеть, а значит, вскоре родится новое поколение, и дела в клане пойдут ещё лучше, чем сейчас. И хотя Само Фэй отказалась от радостей материнства, таким образом она смогла обрести душевное спокойствие и даже получить одобрение семьи.

«Целых восемь нагов... Твоя Церемония Извлечения будет поистине роскошной, Рюн. Не так много мужчин могут позволить себе дойти до Башни Сердца с таким количеством сопровождающих. Само Фэй действительно потрясающая».

«Я тоже так думаю. Очень жаль, что через девять дней я больше никогда не увижу её».

Хварит удивлённо посмотрел на Рюна. Он понял, что его друг обеспокоен не только самой церемонией. Как только он собрался спросить, что именно Рюн имел в виду, тот тут же поднялся со своего места и произнёс:

«У меня нет аппетита. Ты поешь перед тем, как уйти?»

«Думаю, что да».

«В таком случае давай попросимся сейчас». – Рюн покинул столовую прежде, чем Хварит успел что-либо ответить. Он хотел последовать за своим другом, но спустя некоторое время передумал. Зная характер Рюна, он понимал, что удержать его сейчас будет очень трудно.

Закончив с едой, Хварит стал искать своих сопровождающих и, узнав, что двое из них решили остаться в клане Фэй, не удержался от нервного смеха: Дюсэна, глава клана Макероу и по совместительству его мать, определённо будет в ярости. Сам Хварит не был против того, чтобы у него стало меньше сопровождающих, он больше беспокоился о том, как на эту новость отреагирует мать. В клане Макероу было пять женщин детородного возраста и всего четверо мужчин. За одну ночь они лишились сразу двух нагов. Дюсэна придёт в бешенство, когда узнает, что это случилось по вине её несовершеннолетнего сына, который через девять дней не будет иметь к клану никакого отношения.

На мгновение у Хварита промелькнула мысль и самому остаться в клане Фэй. Идея жить с другом вместе до начала церемонии стала казаться ему не такой уж и плохой. «А почему бы и нет?» – в шутку подумал он про себя. Женщины не будут интересоваться им, так как он в скором времени станет хранителем, а вместе с ним в клане останутся оставшиеся двое мужчин из его охраны, что, безусловно, будет плюсом для семьи Фэй. (Конечно, на слишком сильную радость рассчитывать не стоит, в клане уже и так живёт десять нагов.) Однако в таком случае в клане Макероу не останется ни одного нага. И если рассуждать серьёзно, то отсутствие мужчин при наличии пяти женщин детородного возраста – настоящая трагедия для всего клана. Хварит не хотел причинять такой ущерб семье, которая растила его в течение 22 лет, и поэтому, как бы сильно он ни любил Рюна, всё же решил покинуть дом клана Фэй с двумя оставшимися сопровождающими.

Улицы Хатенграджа, как обычно, были погружены в тишину. Конечно, если открыть свой разум, можно было бы уловить бесчисленные потоки мыслей прохожих, снующих туда-сюда в тишине, но, поскольку Хварит хотел спокойно подумать, он решил оставить всё как есть.

В беззвучии он размышлял о Само Фэй.

Женщина, которая хотела остаться девственницей, была необычным явлением для нагов. Но её решение, как ни странно, обеспечивало процветание следующим поколениям. Мужчины-наги не имеют такого понятия, как родной дом или тоска по нему, но если бы они попробовали представить себе такое место, оно так или иначе было бы связано с атмосферой, которую создает Само в своём клане. Именно она, как магнит, притягивает мужчин и заставляет их остаться в клане на пару месяцев, прежде чем они снова отправятся в путь. И даже несмотря на то, что их ни к чему не принуждают, они всё равно вступают в связь с женщинами и оставляют много детей для клана, прежде чем покинуть его.

Внезапно в сознание Хварита проникла чья-то мысль:

«Ты хочешь быть с ней».

Хварит оглянулся. Один из его сопровождающих смотрел прямо на него. Ему стало не по себе.

«Вы что, копались у меня в мыслях?» – спросил он своего сопровождающего по имени Кáру.

«Нет, она была «на поверхности». Просто кое-кто слишком громко думал о Само Фэй», – с улыбкой ответил он. «Но, к сожалению, – продолжил Кару, медленно оглядываясь вокруг, – есть как минимум три причины, почему это невозможно». «Три? Не одна?» – удивился Хварит. «Прежде всего, ты скоро станешь хранителем, а после и женихом Богини, которая не оставляет следов, тебе явно будет не до отношений», – резонно заметил сопровождающий. «Да, я тоже думал об этом. Что насчёт остальных двух причин?» – не терял надежды Хварит. «Всё просто: Само Фэй первая откажет тебе. Ты же сам знаешь, благодаря ей остальные нагини в клане живут припеваючи, так что даже семья уважает её желание остаться девственницей». «А, это да. Тогда третья причина?» – уже чуть менее воодушевлённо спросил он. «Не притворяйся, будто не понимаешь, о чём я. Наше общее дело, Хварит». – В нирыме Кару стали преобладать стальные нотки. «Нет, что вы, я всё помню», – едва слышно проговорил он. Кару не так давно сбросил старую чешую, поэтому его кожа была гладкой. Из-за этого могло показаться, будто он был ещё молод, но на самом деле ему было уже много лет, и в его словах чувствовался большой жизненный опыт. «Многие послушники отказываются стать хранителями прямо перед Церемонией Извлечения. Это их последний шанс изменить свою судьбу, потому как после окончания Церемонии будет невозможно отказаться от этого статуса. Я бы мог назвать таких послушников трусами и обвинить их в отсутствии силы воли, но я не буду этого делать. Их эмоции вполне естественны. Но если подобные мысли появятся у тебя и ты откажешься стать хранителем, мы все окажемся в очень затруднительном положении. Ты же не забыл о своем истинном предназначении, правда?» – Взгляд Кару пробирал до самых костей.

«Я никогда этого не забуду, Кару». – Хвариту не нравилось, что в глазах сопровождающего он выглядел слабаком, который мог всё бросить прямо перед началом Церемонии. «И вообще. Я-то готов. А вот что насчёт остальных? Спасательный отряд уже собран?» – нарушил затянувшуюся паузу Хварит.

«Похоже, что подготовка почти окончена», – всё с тем же серьёзным лицом ответил Кару.

Хвариту было не по себе, когда он думал о том, что ему придётся иметь дело с представителями других рас. Учебная программа послушника включала в себя сведения о других расах, благодаря чему Хварит знал о них гораздо больше, чем, например, его друг Рюн. Но ведь, как известно, всегда существует большая разница между теорией и тем, что можно испытать на собственном опыте.

«Возможно, один из нас мог бы проводить тебя до Предельной границы», – сказал Кару, чувствуя беспокойство Хварита.

«Нет, у вас есть свои обязанности. Тем более я действительно думал о том, чтобы отправиться к Предельной границе в одиночку. Никто не должен подвергать себя опасности ради меня. Будет безопаснее для всех, если я самостоятельно преодолёю Предельную границу и встречу с членами отряда». – Было похоже, что Хварит даже сам от себя не ожидал такой самоотверженной речи.

Свáчи, второй сопровождающий Хварита, тоже решил принять участие в обсуждении и проговорил:

«Хварит, похоже, ты думаешь, что Предельная граница – это какая-то определённая линия, словно забор или стена. Но даже между нашим самым северным городом Висграджем и самым южным городом неверующих Караборой, где Предельная граница наиболее узкая, она по-прежнему составляет около 200 километров. На остальных же участках это расстояние может достигать 500 и даже 1000 километров».

«И это они называют границей? Такую обширную территорию?» – Хварит был в абсолютном шоке.

«Эта граница определяется температурой воздуха, которая, естественно, не может измениться внезапно всего за несколько метров. Это происходит постепенно, на протяжении нескольких сотен километров, что и объясняет такие огромные расстояния внутри границы».

Но даже около неё температура слишком низкая для комфортного существования нагов, и если бы эти земли не были столь богаты золотом, наги ни за что не построили бы там Висградж. Поэтому не может быть и речи, чтобы ты в одиночку прошёл столько километров по такой холодной земле. Это невозможно, даже если перед этим ты примешь содрок. А поскольку теплокровные неверующие, в отличие от нагов, могут передвигаться по Киборэну со своей обычной скоростью, очевидно, что это они должны прийти, чтобы забрать тебя. Теперь тебе понятно?» – закончил своё объяснение Свачи.

«Да», – коротко ответил Хварит.

«Хорошо. Кстати, ты уже потренировался в пении?» – решил снова включиться в диалог

Кару.

«Да мне как-то неловко этим заниматься», – смущённо произнёс Хварит.

Вдруг Кару перестал использовать нирым и произнёс голосом:

– Пой!

Хварит в растерянности уставился на него. Они шли по главной улице Хатенграджа. Вокруг было слишком много народу, поэтому Хварит не решился ответить ему тем же способом.

«Здесь? Вы с ума сошли?» – немного пригнувшись, шёпотом произнёс он.

– Хварит, если бы я думал, что твоё пение привлечёт внимание других, я бы не попросил тебя сделать это.

«Но ведь эта песня понадобится мне только в лесу, чтобы меня нашли среди пения птиц и звуков других животных. А мы здесь, в городе», – Хварит пытался хоть как-то отговорить сопровождающего от задуманного.

– Тем лучше. Здесь все общаются с помощью нирыма, поэтому никому нет дела до окружающих звуков. Сам посмотри: я разговариваю с тобой громким голосом, но ведь никто не обращает на нас внимания, так ведь?

Хварит огляделся по сторонам и был вынужден признать, что Кару был прав. Должно быть, он действительно говорил очень громко, раз молодой нас мог отчётливо слышать каждое слово, но при этом окружающие не обращали на них никакого внимания.

Но даже несмотря на это, Хварит никак не мог начать петь. Он никогда не испытывал никаких положительных эмоций во время пения, оно казалось ему странным, неуместным и даже в некотором роде раздражающим. После того как Кару всё же настоял на своём, Хварит с трудом издал несколько звуков, отдалённо напоминающих пение. К его удивлению, никто действительно не обратил на это никакого внимания. Всё как и сказал Кару. Он попробовал запеть немного громче, но вновь не заметил на себе даже равнодушного взгляда прохожих. Окончательно расслабившись, он радостно посмотрел на Кару, и тот едва заметно кивнул ему. Хварит подумал о том, что его пение можно сравнить с шапкой-невидимкой токкэби. Как только токкэби надевает её, он становится невидимым для других токкэби и может делать всё, что угодно. Точно так же другие наги не слышали песню Хварита, словно на нём была надета эта шапка. (На самом деле они всё слышали, просто звук был настолько тихим, что никто не обращал на него внимания.) Хварит почувствовал уверенность в себе и запел ещё громче. Свачи и Кару переглянулись и одновременно подумали про себя, что это даже хорошо, что другие не могут услышать эту песню. Во всех смыслах.

Рюн Фей с ошарашенным видом повернулся в сторону, откуда доносился звук. И удивило его даже не столько само звучание голоса Хварита, сколько абсолютно невменяемый набор слов, которые тот зачем-то последовательно произносил. «*Гнилые конечности? Король? Пробуди дух? Что вообще весь этот бред значит?*» – качая головой, отчаянно пытался понять Рюн. В это время в груди всё усиливалось таинственное чувство, природу которого он никак не мог объяснить.

Вдруг до него наконец дошло: *«Музыка... Это песня!»*

Рюн выскочил на балкон и, схватившись за перила, перекинулся через них настолько, насколько это было возможно, однако звук уже исчез. Он хотел выбежать к Хвариту, но вовремя понял, что это желание будет довольно сложно воплотить в реальность. Крайне опасно для несовершеннолетнего нага выходить из дома без сопровождения. Хварит был прав, когда говорил, что вдали от клана Рюн легко может стать жертвой для других охотников. Рассуждая о возможных безопасных способах выхода из дома, Рюн подумал о том, что в клане Фэй было много и других мужчин, кроме его сопровождающих, однако ему совсем не хотелось просить их о помощи. Оставался последний вариант с тётушками и сёстрами, но никто из них точно не вышел бы на улицу ради своего младшего родственника.

«Могу я войти, Рюн?»

Уловив нирым, исходящий из-за двери, Рюн тут же вспомнил, что кое-кто всё же мог бы ему помочь. Но на это была нужна веская причина, так просто он не мог попросить о помощи.

«Войдите», – ответил Рюн, поспешно выходя на середину комнаты.

Дверь открылась. Взгляд Рюна был опущен, поэтому он мог видеть только пару изящных ног, которые медленно прошли по комнате и остановились прямо перед ним. Ему пришлось ещё сильнее опустить голову, чтобы случайно не встретиться взглядом с вошедшей нагинею.

«Подними голову, Рюн. Иначе шея будет болеть», – по-доброму ответила ему незваная гостья.

Получив разрешение, Рюн медленно поднял голову. Прямо сейчас на него смотрели широко открытые, будто от удивления, глаза, выражение которых он знал очень хорошо. На губах гостьи как всегда играла лёгкая улыбка, придававшая лицу особый шарм. Рюн открыл свой разум:

«Что случилось, Само?»

«Мне передали, что Хварит только что ушёл. Я думала, он задержится у нас на подольше. Прошло ещё не так много времени, может, мне позвать его обратно?»

Рюн почти согласился на предложение сестры, как вдруг неожиданно выпалил: «В этом нет необходимости».

Само снова удивлённо посмотрела на Рюна, после чего легко кивнула головой и села на стул. Рюн остался на своём месте.

«Ты собираешься стоять до тех пор, пока я не скажу тебе сесть?» – Казалось, она была чем-то обеспокоена.

«Конечно».

«Садись, Рюн Фэй», – чуть более настойчиво произнесла она.

Рюн сел на стул. Несмотря на то что рядом был её брат, по выражению лица Само казалось, будто она не знает, что делать дальше. Через некоторое время Рюн тихо произнёс: «Пожалуйста, перестаньте называть меня Фэй».

«Почему? Ты всё ещё в нашем клане», – искренне удивилась она.

«Осталось всего девять дней».

«И до тех пор ты – Фэй». – Снова повисло молчание.

Рюн больше не хотел спорить, поэтому жестом показал, что больше не намерен обсуждать эту тему. Само же расценила такое поведение по-другому: для неё это было проявлением слабости характера, когда проще подчиниться, чем спорить и отстаивать свою точку зрения.

«Ты знаешь, это ведь я пригласила Хварита», – наконец призналась Само о причине своего визита.

«Вот как. Тогда поздравляю, вы добились успеха. Говорят, аж двое сопровождающих Хварита остались в нашем клане. Мадам Дюсэна должно быть вне себя от ярости». – На лице Рюна появилась кривая улыбка.

Смутившись ненадолго, Само быстро пришла в себя и огорчённо ответила:

«Рюн, я позвала Хварита не для того, чтобы переманить мужчин в наш клан».

«Дюсэна Макероу явно думает по-другому».

«Независимо от того, что думает Дюсэна, это всё неправда. Я пригласила Хварита, потому что ты выглядел обеспокоенным перед Церемонией Извлечения. Я подумала, что твой друг сможет помочь тебе справиться с волнением. Он тоже посчитал это хорошей идеей и поэтому сам пришёл к тебе. Мне до сих пор непонятно, почему ты так быстро отправил его обратно. Вы ведь могли вместе дождаться Церемонии».

Рюн ответил, словно не поняв смысл слов Само: «Действительно, если бы он остался ещё на несколько дней, мы бы могли переманить всех его сопровождающих, – неуверенно начал он. – Я прошу прощения, что позволяю себе слишком многое, но мне кажется, это могло бы вызвать куда более серьёзные проблемы между нашими кланами...» – Возможно, в этот момент ему самому показалось, что он перегнул палку, поэтому на последнем слове Рюн осёкся, но было уже поздно.

«Рюн Фэй!» – строго произнесла Само.

Рюн поспешил закрыть свой разум. Все чешуйки на теле Само пришли в движение и издавали поистине ужасающие звуки, сталкиваясь друг с другом. С виду она была невероятно зла на Рюна, но когда её разум вновь открылся, миром Само был скорее печальным:

«Почему ты так себя ведёшь, Рюн? У нас осталось не так много времени, которое мы можем провести вместе. Как ты и сказал, всего девять дней. Почему мы должны тратить их на то, чтобы злиться друг на друга? Сначала ты совсем не разговариваешь со мной, потом так просто отправляешь обратно друга, которого я пригласила для тебя. Что мне делать в этой ситуации?»

«Вам не нужно ничего делать».

«Что?»

«Не тратьте своё драгоценное время на нага, который уже через девять дней не будет иметь никакого отношения к клану Фэй».

Само Фэй посмотрела на Рюна неверящим взглядом. С одной стороны, она понимала, почему Рюн так хладнокровно пытается оборвать их отношения, ведь вскоре он потеряет фамилию Фэй и больше никогда не вернётся в клан. Но глубоко внутри Само надеялась, что они всё же смогут остаться хорошими друзьями, и верила, что брат думает точно так же. Однако Рюн упорно продолжал придерживаться прямо противоположного мнения.

«Рюн, ты хочешь, чтобы мы стали совершенно чужими друг другу? Почему?» – Было видно, что с каждым разом слова брата ранили её всё сильнее.

Рюн медленно поднял голову, с грустью посмотрел на свою сестру и тихо позвал её по имени: «Само».

«Что? Объясни мне».

«Я не хочу, чтобы Вы считали меня заменой ребёнка, которого у вас никогда не будет».

С громким стуком упал стул. Само резко встала на ноги и зло посмотрела на брата. Рюн, вперив взгляд в колени, тихо продолжил говорить: «Если вы хотите ребёнка, то просто заведите его. Приложите все усилия для этого, соперничайте со своими сёстрами и тётушками, и в итоге вам удастся соблазнить достойного мужчину. Но если вам всего этого не нужно или же вы просто боитесь конкуренции с другими женщинами, то просто сдайтесь и смиритесь уже наконец. Третьего не дано. Брат никогда не сможет стать заменой родному ребёнку».

«Как... как ты смеешь!» – Чешуйки на теле Само гремели всё громче. Никому ещё не доводилось видеть, чтобы Само Фэй так сильно злилась. Рюн почувствовал животный страх, но решил оставить свой разум открытым.

«Всё будет ещё хуже, если станет слишком поздно. Даже сейчас уже может быть поздно. Вам нужно поспешить, у большинства женщин вашего возраста уже по две или три дочери. К

счастью, в нашем доме живут десять мужчин, и завести ребёнка будет не так уж и трудно...» – Рюн не смог закончить свою мысль, потому что Само изо всех сил дала ему пощёчину.

Держась за щёку, он поднял взгляд на Само и замер от удивления. Из её глаз по щекам текли серебристые слёзы. Почти невозможно увидеть, как плачут наги. Из-за своего удивительного цвета другие расы даже считают их слёзы магическими, но это лишь выдумки. За исключением цвета, они ничем не отличались от обычных слёз. Но для Рюна сейчас они имели особенное значение. Он неотрывно смотрел на Само, совсем позабыв про свою щеку. Само тоже выглядела так, будто была крайне удивлена происходящим. Она осторожно приблизила дрожащие пальцы к глазам, после чего они сразу засияли серебром.

«Само...» – осторожно позвал Рюн.

Само никак не отреагировала. Её разум был полностью закрыт.

Смахнув слёзы с лица, Само небрежно откинула руку в сторону. Темноту комнаты разрезали мерцающие всполохи. Рюн не мог отвести взгляд: серебристые капли, рассекая пространство, промелькнули перед ним и теперь мерцали на полу, словно взрывы крохотных снарядов. Для нагов, которые могут видеть не только этот удивительный цвет, но и тепло, исходящее от него, слёзы на полу действительно казались маленькими вспышками. Когда Рюн очнулся от оцепенения, Само уже не было в комнате. Капли серебристых слёз вели к двери.

* * *

Несмотря на то что Хварит Макероу вернулся лишь с двумя сопровождающими, Дюэна не применила к нему физической силы, и причина была вовсе не в том, что он приходился ей сыном. Ей также было всё равно, оставит ли она плохие воспоминания у нага, которому оставалось провести не так много времени среди родных. Дюэна Макероу была образцовой главой клана, и подобные сентиментальные вещи её абсолютно не волновали. Даже обрушив на Хварита всевозможные ругательства и проклятия, она не посмела и пальцем тронуть его. Ведь он был послушником.

«Слушай, ты, токкэби недоделанный! Скажи спасибо, что ты не можешь вступать в интимные связи с женщинами. Если бы после всего, что ты натворил, в других кланах от тебя появились дети, я бы ни за что не потерпела этого!»

Хварит был поражён мудростью своей матери. Она не применила силу к будущему хранителю не из-за страха того, что тот однажды будет наделён могущественной властью, а просто потому, что ей по-женски было жаль нага, который никогда не сможет стать отцом. Чтобы подыграть матери и успокоить её, Хварит соорудил жалкую гримасу, будто он действительно был огорчён этим фактом. Дюэна осталась удовлетворена разговором, но на этом испытания Хварита не закончились. Три его сестры и две тётки, пребывающие в детородном возрасте, как раз ждали своей очереди, чтобы обрушить на него шквал негодования. К его счастью, сопровождающие Кару и Свачи добровольно вызвались пойти в спальни тётушек. Сомерб, самая старшая сестра Хварита, была столь же мудра, как и их мать, поэтому она смирилась и не стала отчитывать будущего хранителя. Вторая сестра, Кариндоль, убеждённая в умственной отсталости всех мужчин, посчитала, что столь нелепую ошибку мог совершить только глупый мужчина, поэтому тоже почти не ругала его. Оставался самый сложный разговор с третьей сестрой – Виас Макероу.

«Не мог бы ты напомнить, сколько мне лет?» – Нирым Виас словно прожёг разум Хварита.

Наг сначала решил закрыть разум, объясняя свою неприкосновенность статусом послушника, но тут же передумал, понимая, что из этого точно не выйдет ничего хорошего.

«Тридцать четыре», – послушно ответил Хварит.

«Верно, тридцать четыре. Прошло уже двенадцать лет, с тех пор как я жду своей очереди!»

«Это была моя ошибка, Виас. Я прошу прощения».

«Прощения?! В этот раз была моя очередь! Это у меня должен был появиться ребёнок, понимаешь? Но ты ушёл из дома и потерял двух мужчин! Разве такое можно простить?»

Хвариту стало стыдно, и он пожалел о том, что Кару и Свачи уже ушли к тётушкам и сейчас не смогут помочь Виас. В отличие от Кариндоль или Хварита она не была ребёнком Дюсэны. Так же как не была и старшей сестрой в отличие от Сомеро. И хотя та тоже не была родным ребёнком Дюсэны, из-за своего возраста и поведения она получала особую благосклонность в клане. А Виас нечем было похвастаться. Вот почему она так отчаянно цеплялась за любую возможность родить ребёнка. И уж кто-кто, а Хварит точно знал об этом не понаслышке.

«Я ничего не мог сделать. Я не мог просто притащить их обратно силой, когда они решили остаться в клане Фэй», – отогнав дурные воспоминания, осторожно проговорил он.

«Этого не случилось бы, если бы ты не пошёл в дом этой женщины!»

Хварит сразу понял, что под «этой женщиной» она имела в виду не главу клана Чикхо Фэй, а её дочь – Само.

«Виас, Рюн – мой друг. Разве я не имею права навестить его, когда он так взволнован перед Церемонией Извлечения? Это мой долг и как послушника в том числе».

«А ещё у тебя есть долг перед кланом Макероу – наблюдать за своими сопровождающими! Даже несмотря на то, что через девять дней ноги твоей здесь не будет, сейчас ты, к сожалению, всё ещё Макероу! А у нас теперь осталось только двое мужчин! Мои тётки в жизни не поделаются ими со мной», – продолжала причитать Виас.

«Ага, и вместо детей у тебя появится ещё больше сестёр», – злорадно хихикнул про себя Хварит. Для женщины без наследников, которая к тому же не является старшей среди детей, но всё равно претендует на место главы клана, появление новых сестёр было словно шуткой токкэби.

«Некоторых женщин без детей по-прежнему уважают все члены клана лишь за их душевные качества», – без какого-либо намёка проговорил Хварит.

Виас изумлённо посмотрела на брата. Хварит смутился, поняв двусмысленность своего замечания, но тут же напомнил себе, что он вскоре станет хранителем и больше никогда не вернётся в этот клан. «Хорошо, тогда...» — Хварит мысленно нарисовал образ и приоткрыл свой разум, чтобы Виас тоже могла увидеть его.

«Само Фэй?!» – словно разъярённый ханыльчхи, взревела Виас.

«Да, в данный момент она не хочет иметь детей. Но если когда-нибудь у неё возникнет такое желание, вряд ли она столкнётся с трудностями, с которыми вы так отчаянно сейчас пытаетесь справиться». – Хварит намеренно сделал акцент на слове «вы».

«Ах ты сукин сын!» – Виас была вне себя от ярости.

«Не стоит обращаться ко мне в таком тоне, Виас Макероу. Кроме того, я не хотел бы больше выслушивать обвинения в том, что произошло не по моей воле. Прежде всего я – послушник, а потом уже ваш брат. Я тот, кто однажды станет женихом Богини, которая не оставляет следов, и я настаиваю на том, чтобы вы относились ко мне согласно моему статусу».

Виас зарычала так, будто очень хотела наброситься на Хварита, но не могла позволить себе сделать этого. Было очевидно, чью сторону примет Дюсэна, выбирая между сыном, который вскоре станет хранителем, и дочерью, у которой нет детей. Прочитав мысли сестры, Хварит холодно улыбнулся и сказал: «А ещё позвольте дать вам маленький совет в качестве послушника: попробуйте быть добрее. В отличие от рождения ребёнка, это возможно и без мужчины».

Хварит ждал очередной гневной тирады, но Виас не потеряла самообладание. Вместо этого её лицо исказилось, словно лицо токкэби, и она, стиснув зубы, проговорила: «Спасибо за совет, дорогой братец. Позволь мне тоже кое-что тебе сказать».

– Держись подальше от того места, – вслух произнесла она и вышла из комнаты.

Пока за ней не закрылась дверь, Хварит стоял не шелохнувшись. Это был первый раз, когда он услышал голос Виас. Но куда сильнее его волновало то, что она предупредила его об опасности, указав рукой не куда-нибудь, а на Башню Сердца. И Хварит не мог не вспомнить, как всего несколько дней назад его друг сделал то же самое: используя голос, назвал Башню Сердца главным врагом всех нагов. Тот факт, что и его друг, и его сестра говорили о подобных вещах с помощью голоса, который наги так редко используют, произвёл глубокое впечатление на Хварита.

С этих пор Хварит всерьёз стал задумываться о том, что же на самом деле происходит в Башне Сердца.

Когда чья-то рука начала трясти его, Свачи повернулся на другой бок не желая просыпаться. Прошлой ночью, чтобы помочь Хвариту, ему пришлось до рассвета промучиться в комнате одной из тёток. И хотя в полусне Свачи всем своим видом пытался вызвать сочувствие, рука так просто не останавливалась.

«Пожалуйста, жальтесь. У меня больше нет сил, чтобы заниматься этим ещё и с утра. Прошлой ночью я слишком...» – болезненно простонал он.

«Свачи, проснись! Это я! Что бы ты ни имел в виду, я не буду делать это с тобой!»

Свачи был невероятно смущён, но когда он понял, что его разбудила не женщина из клана, которой снова что-то от него нужно, он вздохнул с облегчением.

«Хварит? Какое счастье. Чёрт возьми, твоя тётя чуть не убила меня прошлой ночью».

«Прошло ведь не так много времени с момента её последних родов». – Хварит сел на кровать.

«Да, но, несмотря на это, она была такой назойливой, что я, похоже, не захочу приближаться к женщинам ещё ближайшие несколько лет. А что привело тебя сюда?» – Свачи еле-еле поднялся с кровати из-за усталости и прохлады раннего утра.

Хварит с пониманием отнёсся к состоянию своего сопровождающего, поэтому терпеливо ждал, пока тот полностью придёт в себя. Спустя некоторое время Свачи окончательно проснулся, и Хварит наконец смог рассказать ему о цели своего визита:

«Мне нельзя проходить Церемонию Извлечения».

Свачи уставился на Хварита затуманенным взглядом, а затем повернулся к Кару, который спал рядом с ним. Он тоже был истощён, и Свачи решил позволить ему поспать ещё немного.

«Всё дело в твоём друге, так ведь? Похоже, что страх Рюна передался и тебе, Хварит. Ты же сам прекрасно знаешь, что крайне редко кто-то умирает во время ритуала».

«Дело не в этом».

«Без пройденной церемонии ты не сможешь покинуть Хатенградж. А значит, не сможешь и выполнить своё предназначение. Нет, даже не так: прежде всего ты не сможешь выжить. Не мог бы ты для начала объяснить мне, что навело тебя на столь радикальные мысли?» – вежливо поинтересовался старший маг.

«Вчера я поругался с Виас. Не отрицаю, что она могла сказать это сгоряча, но она ясно дала понять, что намерена убить меня».

На этих словах Свачи окончательно пришёл в сознание. Он огляделся, чтобы убедиться, что за дверью никого нет, и осторожно спросил: «Ты в этом уверен?»

«Думаю, что да».

«С чего бы Виас убивать тебя?»

«Потому что вот уже двенадцать лет она не может завести ребёнка».

Свачи в недоумении посмотрел на Хварита. Тот спокойно продолжил:

«У Виас никогда не было ребёнка, вот почему она так отчаянно нуждается в мужчине и всей душой ненавидит своего брата, который никогда не сможет помочь ей в этом. При таком раскладе даже малейшего повода будет достаточно, чтобы убить меня».

Свачи чувствовал, что Хварит что-то не договаривает, и окончательно смутился, когда понял, что именно Хварит мог скрыть от него в своих мыслях:

«Эм, может, такое даже и нельзя спрашивать, но что, если она тебя...»

«Всё именно так, как ты и предполагаешь, Свачи».

«О боже».

Свачи не приходило в голову ничего другого, поэтому он снова повторил: «Боже, этого не может быть».

Хварит кивнул, грустно улыбнувшись: «Да, моя сестра точно сошла с ума. Она словно одержима этой идеей».

«Виас действительно... требует этого от тебя?»

«Я смог остановить её только после того, как сказал, что она будет проклята, если посмеет коснуться послушника».

Свачи сочувственно посмотрел на Хварита и произнёс: «Это просто ужасно. А что, если я и Кару навестим её в спальне? Если мы дадим ей то, чего она так хочет, она забудет о своей ненависти к тебе?»

«Разве вы успеете сделать это за восемь дней?»

«Если мы будем приходить к ней каждый день по очереди, она точно будет думать, что её шансы забеременеть высоки».

«Виас сама не захочет этого».

«Что? Разве ты не сказал, что она хочет ребёнка?»

«Да, но тут не всё так просто: рождение ребёнка нужно Виас для того, чтобы стать главой клана. Она ведь не родная дочь Дюсэнны и даже не старший ребёнок в семье».

«А, ты имеешь в виду, что рождение ребёнка – это её единственная возможность повысить свой статус в клане?»

«Да. Если бы она просто мечтала о ребёнке, она бы так легко не уступала вас своим тёткам. У неё совсем другие амбиции, она ни за что не сделает что-то, что могло бы рассердить других женщин клана. И если мои предположения верны, то вы с Кару сможете посетить её только один или два раза за эти восемь дней».

«Хорошо. Тогда каким образом, по-твоему, она попытается убить тебя?»

«Она сказала мне остерегаться Башни Сердца. Мне кажется, что во время Церемонии Извлечения со мной может что-то случиться».

«Исключено. Разве она сможет подкупить стражу? Это просто невозможно», – с недоумением проговорил Свачи.

«Этого я и не говорил. Я сам послушник и знаю о хранителях куда больше, чем ты. Однако не забывай, что Виас первоклассный алхимик. Мне никогда не нравилась моя сестра, но в её мастерстве я абсолютно уверен. Я украд немного содрака, который она приготовила, я знаю, о чём говорю. Ей по силам изготовить яд, который мог бы убить меня во время Церемонии Извлечения. За оставшиеся восемь дней она найдёт способ заставить меня принять его».

«Яд, который спровоцирует несчастный случай во время Церемонии Извлечения? Разве существует что-то подобное?» – растерянно пробормотал Свачи.

«Я не знаю. Но что ещё она могла иметь в виду, когда говорила мне держаться подальше от Башни Сердца? Скорее всего, что-то произойдёт именно там, во время церемонии».

«Хорошо, давай предположим, что она попытается отравить тебя. Тогда просто перестань что-либо есть в этом доме».

«Как ты себе это представляешь?»

«Ну а что в этом такого? Будешь питаться за пределами города вместе с нами. Кару – умелый охотник, он сможет добыть тебе пропитание. Ты пока ещё не ел никаких других животных, кроме мышей, но в этом нет ничего такого. Тебе в любом случае придётся научиться охотиться, когда станешь взрослым. Поэтому я думаю, что ничего страшного не случится, если ты вместе с нами отправишься на охоту и съешь там какое-нибудь животное до начала церемонии».

«Свачи, ты думаешь, меня снова выпустят с тобой из дома? Больше я никого не знаю, а моя дорогая тётушка точно не отпустит тебя».

Свачи застонал и закрыл свой разум.

«Чёрт возьми, что тут думать. Вывод очевиден: нам нужен другой план. Я должен сейчас же бежать отсюда», – почувствовав нарастающее беспокойство, подумал про себя Хварит.

Спустя несколько мгновений, которые показались Хвариту вечностью, Свачи снова открыл свой разум: «Хварит, я понимаю, как сильно ты переживаешь, но чем больше я думаю об этом, тем сильнее мне кажется, что всё это – лишь твои домыслы».

«Что?» – Хварит был удивлён.

«У тебя нет ни объективных доказательств того, что Виас собирается убить тебя, ни правдоподобных идей, каким образом она может сделать это. В своих выводах ты опираешься лишь на свои предположения. Я лично никогда раньше не слышал о существовании яда с подобным действием. Я так полагаю, ты тоже не знаешь наверняка, есть ли он на самом деле, не так ли?»

Хвариту не оставалось ничего другого, кроме как согласиться. Тут Свачи резко встал, будто ему о чём-то напомнили, и начал быстро одеваться:

«Как я уже говорил, всему есть другое объяснение, в котором нет этого фантастического яда, о котором никто никогда не слышал».

«И какое же?» – чувствуя подвох, спросил Хварит.

«Ты, конечно, можешь не согласиться со мной, но я всё же скажу. Хварит, разве ты сам не думал о том, что все эти мысли появились у тебя из-за банального волнения, с которым все наги сталкиваются накануне Церемонии Извлечения?» – Хварит нахмурился и хотел возразить Свачи, но тот опередил его с ответом: «Не торопись. Я знаю, ты хочешь сказать мне, что, будучи послушником, ты совершенно рационален и далёк от таких переживаний».

Хварит что-то недовольно пробурчал себе под нос. Свачи продолжил:

«Не существует абсолютно рациональных существ. Это нормально, что ты так же, как и твой друг Рюн, волнуешься перед прохождением ритуала. Просто ты не можешь признаться себе в этом, вот и проецируешь своё беспокойство на ссору с сестрой. Ты напуган и поэтому хочешь сбежать от всего этого. Я прав?»

«Свачи, у меня нет страха перед церемонией...»

«Подожди, сперва ответь мне на один вопрос. Если Виас хочет убить тебя, почему она не сделала этого за те двадцать два года, что ты пробыл в клане? У неё точно было много возможностей воплотить задуманное в жизнь».

Хварит хотел возразить своему другу, но не нашёл нужных слов. Свачи снисходительно улыбнулся.

«Должно быть, она решилась на этот поступок только вчера, когда я разозлил её», – спустя некоторое время всё же проговорил Хварит.

«Хм, ты хочешь сказать, что все эти годы её ненависть копилась, а только вчера она эволюционировала в намерение убить тебя? Ну что ж, пусть будет по-твоему. Всё же всегда есть последняя капля, которая переполняет чашу. Но можешь ли ты тогда объяснить мне, почему Виас должна попытаться убить тебя буквально на глазах у верховных властей?»

«Верховные власти? Кого ты имеешь в виду?»

«Хранителей Башни Сердца. Если во время церемонии произойдёт несчастный случай, хранители будут тщательно обследовать твоё тело. Я, конечно, не знаю, насколько искусна твоя Виас, но я бы на её месте не стал играть с огнём на глазах у токкэби, если ты понимаешь, о чём я».

Хвариту было нечего возразить на столь весомый аргумент. Свачи подошёл к окну, чтобы погреться под пробивающимися лучами жаркого солнца.

«Я не буду высмеивать твоё беспокойство, Хварит. Всё-таки ты знаешь Виас лучше, чем я. И если для тебя действительно существует какая-то опасность, наша миссия тоже находится под угрозой. Пусть я и считаю, что твои слова звучат весьма абсурдно, я всё равно вынужден воспринимать их всерьёз. Давай поступим так: мы с Кару будем приходить к Виас как можно чаще, будем стараться всячески развлечь её, но в то же время будем наблюдать за её поведением. А ты в это время попробуй найти более веские доказательства её намерения убить тебя. Только прошу тебя, будь осторожнее».

Предложение Свачи было разумным, он, как всегда, говорил правильные вещи. Хварит почувствовал себя полным идиотом. Он ведь действительно думал, что Виас собирается убить его во время Церемонии Извлечения. Чем больше Хварит думал об этом, тем большим глупцом он себя ощущал. «*Боже, какой-то магический яд. Надо же было придумать такое*», – мысленно отругал себя он и всё же решил согласиться с планом Свачи.

* * *

Кейгон смотрел на пустыню Пунтэн из окна гостиницы. Небо над раскалённой белой пустыней было окрашено в тёмно-синий, что было редкостью для этих мест, так как похожий цвет можно было увидеть только в местах с влажным климатом. К слову, к югу от пустыни как раз раскинулся тропический лес Киборэн, благодаря которому небо и выглядело столь болезненно-синим на фоне белизны пустыни.

В дверь постучали. Кейгон разрешил гостю войти и повернул к нему голову, когда в комнате уже раздался звук шагов.

– Господин, мне оставить это на столе?

Кейгон кивнул. Младший сын хозяина гостиницы Мотхи поставил блюдо на стол и неуверенно заговорил, хотя Кейгон его ни о чём не спрашивал:

– Мои родители отказались брать это в руки, поэтому принёс я.

Мотхи напоминал щенка, который принёс палку и ждал реакции со стороны хозяина. Однако Кейгон, вместо того чтобы похвалить ребёнка, лишь немного наклонил голову. Он не сводил с мальчика пристального взгляда, и Мотхи начал нервничать:

– Вам нужно что-нибудь ещё?

– Пока ничего, Мотхи. Ты можешь идти.

Тут ребёнок немного замялся и ещё более неуверенно проговорил:

– Ах да, чуть не забыл. Мой отец хотел, чтобы я спросил у вас, как долго вы планируете здесь оставаться?

– Надолго не задержусь. Я жду токкэби и лекона. Скоро они будут здесь.

Мотхи было нечего на это ответить, поэтому он поспешно покинул комнату, будто кто-то выгнал его оттуда. Оставшись в одиночестве, Кейгон бесстрастно уставился на блюдо, стоящее на столе. Он думал о Мотхи.

Какие всё-таки странные существа – люди. Не прошло и двух дней с тех пор, как Кейгон встретил хозяина «Последнего пристанища», но он уже точно мог сказать, что это был за человек. С одной стороны, он был невероятно силен и отважен, раз сумел защитить свою гостиницу от бесконечных угроз, которые таит в себе пустыня. А с другой стороны – слаб и жалок, ведь, несмотря на все мольбы и слёзы, он заставил свою жену готовить принесённую гостем добычу,

а после ещё и отправил своего маленького сына отнести это в комнату. Возможно, конечно, он и сам приготовил это блюдо, но именно Мотхи принёс его Кейгону. Хотя он не просил об этом.

Кейгон вздохнул и поднял крышку горшка. Внутри лежало варёное мясо нага.

В Караборе Кейгон вёл довольно спокойную жизнь. Большую часть его хижины занимала кухня с просторной печью, куда помещались три больших котла. Там же он держал свою коллекцию всевозможных ножей, пил, пинцетов, молотков, ступ и шампуров. Иногда он на несколько дней отправлялся на Южную границу, где отлавливал заторможенных от перепада температуры нагов-разведчиков, и затем спокойно возвращался в свою одинокую хижину. Там не было ни хозяина гостиницы, который приходил в ужас от одного только вида его добычи, ни его глупого сына, который в силу своего возраста трепетал от ужаса и благоговения перед всем новым и неизведанным. В этом тихом месте Кейгон жил в своё удовольствие: разрубал трупы нагов, варил, а затем спокойно ел их.

Всё изменилось в тот момент, когда он получил письмо из Великого Храма Хаинса. Теперь Кейгон был вынужден ждать двух своих спутников в этой странной гостинице. Вспомнив про тех, с кем ему придётся провести ближайшее время, Кейгон швырнул кость, которую жевал, на стол и закрыл лицо руками. В письме, которое оставил Оренол, было сказано, что его спутниками станут токкэби и лекон, и Кейгон никак не мог понять, какие чувства у него вызывает данная новость. Сегодня он едва вспомнил, как нужно разговаривать с людьми, чего уж и говорить о леконах и токкэби.

Что за существа эти токкэби...

С трудом пытаясь припомнить хоть что-нибудь, Кейгон ухватился за воспоминание двадцатилетней давности, когда он одержал победу в финальном поединке борьбы ссирым. Постепенно стали всплывать и другие детали поединка: вот кастелян Пау Моридол появляется в последний момент, чтобы помешать какому-то киму одержать победу. (Несмотря на то что это был общеизвестный факт, Кейгон едва ли смог вспомнить о том, что токкэби так называют людей.) В тот момент Кейгон пожалел о том, что вообще решил принять участие в этой борьбе. Но в то же время чётко осознавал, что не хочет проиграть. По телу Кейгона прошла дрожь, когда он вспомнил те эмоции, что бушевали у него в груди в тот момент.

Тогда у него ещё оставалось желание побеждать. Теперь же Кейгону казалось, что все эти воспоминания принадлежат какому-то другому человеку, коим он больше не являлся. *«Но что же всё-таки произошло на том последнем поединке? Это был бросок с подворотом корпуса? Или передняя подножка с подхватом?»* – рассуждал про себя он.

Какое-то время Кейгон сидел неподвижно, полностью погрузившись в свои воспоминания, но вскоре осознал всю бессмысленность этого занятия. Сейчас уже не имеет значения, каким образом он выиграл в том поединке. *«Хотя если последний удар всё же прошёл успешно, – вновь принялся рассуждать он, – то, вероятнее всего, именно он и принёс мне победу»*, – напоследок оживился Кейгон и вскоре окончательно потерял интерес к воспоминаниям из прошлого.

Через три часа он пожалел об этом.

Хозяин гостиницы заметил токкэби Пихёна Срабла ещё задолго до его прибытия в гостиницу. При этом у него и мысли не возникло, что такой гость мог направляться именно к нему, потому как до этого момента он ни разу в жизни не принимал гостей, прилетевших с неба. Только когда Пихён подлетел к дому достаточно близко, хозяин гостиницы понял, что его новым постояльцем был токкэби, оседлавший гигантского жука.

Жук приземлился рядом с гостиницей, подняв вокруг себя маленькую песчаную бурю. К тому времени, когда песок осел, токкэби уже стремительно поднимался по лестнице. Вбежав внутрь, Пихён многозначительно взглянул на хозяина гостиницы, и тот, не задумываясь, указал на второй этаж:

– Туда, первая комната слева.

Пихён поднял голову вверх. Центральная часть первого этажа представляла собой атриум, вокруг которого, словно балкон, располагался коридор второго этажа, благодаря чему было хорошо видно все комнаты. Найдя нужную дверь, Пихён улыбнулся и весело обратился к хозяину гостиницы:

– Доброго сна вам, милейший! Не могли бы вы отвести моего жука в конюшню? У вас же найдётся такая?

Хозяин гостиницы быстро кивнул, после чего Пихён стремительно взбежал вверх по лестнице и без какого-либо предупреждения распахнул дверь в комнату Кейгона. Тот уставился на него широко открытыми от удивления глазами.

– Здравствуйте! – вежливо начал Пихён, а затем сразу выпалил: – И как же так получилось, что вы одолели нашего кастеляна?

– Я Кейгон Дракха.

Повисла тишина. Кейгон и Пихён какое-то время неловко смотрели друг на друга. Кейгон заподозрил, что сказал что-то не то, но так и не смог понять, что именно. Разве люди не говорят сперва своё имя, когда встречаются в первый раз? У токкэби всё иначе? Пихён тоже заподозрил неладное, но, к счастью для обоих, быстро понял, почему произошла загвоздка, и весело рассмеялся:

– Ах да, я прошу прощения. Меня зовут Пихён Срабл. Вы же не сердитесь на меня?

Кейгон никак не мог понять, почему он должен сердиться, и почему этот Пихён сейчас стоит в его комнате и глупо улыбается. Немного подумав, Кейгон осторожно заговорил:

– Из Великого Храма Хаинса... Верно?

– Да, всё верно. Вы ждали меня?

– Да.

Вновь наступило молчание.

– Так как же вы всё-таки одолели нашего кастеляна?

– Я не помню.

– Да что вы такое говорите! Это же была ваша знаменитая передняя подножка с подхватом! Нет ни одного токкэби, который бы не знал эту историю. А я так хотел узнать, как же вы смогли ударить нашего кастеляна, он ведь такой гибкий и может так сильно изгибать поясницу. Как же такое возможно, что вы ничего не помните? Если бы я когда-нибудь одержал победу над кастеляном, я бы до самой смерти рассказывал всем эту историю. Вы точно всё забыли? Совсем-совсем ничего не помните?

– Да, похоже на то.

Пихён с недоверием посмотрел на Кейгона, отчего тому стало не по себе. Токкэби что, так же как и люди, слепо восхваляют друг друга за непонятные подвиги? Свой-то он никак не мог вспомнить. И вообще, от всех этих размышлений у охотника разболелась голова. Сжав зубы, он выразительно посмотрел на Пихёна. Тот легко пожал плечами и опустил свою сумку на пол:

– Ну что ж, такое вполне могло случиться. Как-никак прошло больше 20 лет, и вы, похоже, не такой большой поклонник борьбы ссирым, как мы.

Кейгон почувствовал облегчение. Но эта манера речи Пихёна, в которой он постоянно добавлял вопрос в конце каждого предложения, определённо действовала на нервы.

– А сколько вам сейчас лет?

Кейгон, немного замявшись, подвинул стул к Пихёну. Пока тот садился, у него было время придумать ответ:

– Зачем тебе это?

– Просто с тех пор, как вы стали непобедимым, прошло уже 20 лет, поэтому я думал, что человек, которого я встречу, будет довольно старым. А вы вроде неплохо выглядите. Вы, должно быть, были очень молоды, когда стали победителем, верно?

– Да, я был молод.

Тут Кейгон понял, что привычка Пихёна заканчивать каждое предложение вопросом не была такой уж плохой: «*Я могу просто поддакивать или отвечать вопросом на любую его фразу*», – подумал он.

Пока Пихён читал письмо от Оренола, у Кейгона появилось немного времени, чтобы внимательно рассмотреть токкэби, который сидел перед ним. По ходу дела он медленно восстанавливал свои знания об этом народе, сравнивая свои воспоминания из прошлого с тем, что он видел перед собой сейчас.

После того как Пихён закончил читать письмо, он положил его на стол и склонил голову:

– Ну, ничего нового из этого письма я не узнал. Вы, я и лекон. Он, кстати, ещё не прибыл? Нет? Ну ладно. В любом случае план такой: мы втроём входим в Киборэн и спускаемся вниз по реке Мурун. Там обнаруживаем нага по его песне, которую он будет петь для нас, а затем вновь поднимаемся вверх по течению, берём его под защиту и дружно ведём в Великий Храм Хаинса. Я считаю, что идея использовать песню в качестве опознавательного сигнала действительно потрясающая. Ведь только мы сможем услышать её в этих землях к югу от границы. Наги же никогда не поют, так что наш сигнал невозможно будет спутать ни с чем другим. Плюс он точно не привлечёт к себе лишнего внимания – другие наги просто не смогут его услышать. На этом, как я понимаю, всё? Наша миссия заканчивается? – быстро отгаторил он и с энтузиазмом усталился на своего собеседника.

– Да.

Пихён повертел головой. Кейгон не был уверен, что именно обозначает этот жест, но решил, что в нём нет ничего предостерегающего.

– Меня больше интересуют вопросы, ответов на которые я не нашёл в этом письме. Вот, к примеру, почему этот ким хочет, чтобы мы привели какого-то нага в Великий Храм? Кто он вообще такой? Что в нём особенного?

– Я знаю ровно столько же, сколько и ты, у меня нет догадок.

– Тогда, может, вы могли бы рассказать мне хотя бы про реку Мурун? Я впервые услышал о ней сегодня. Вы знаете, где она находится?

– Да. Река Фэлдори является одним из главных притоков реки Мурун.

Кейгон подумал, что этого объяснения вполне достаточно для представления полной картины, но передумал, когда увидел пустой взгляд Пихёна.

– Я имею в виду, что, если мы будем идти по реке Фэлдори, мы доберёмся до реки Мурун.

– Хорошо, а где находится Фэлдори?

– К югу от пустыни. Где-то день ходьбы отсюда. Я так понимаю, монахи Великого Храма поэтому и выбрали именно эту гостиницу в качестве места нашей встречи.

– Вы и правда так хорошо знаете южные территории?

Кейгон кивнул и немного погодя добавил:

– Вероятно, я и есть тот самый «следопыт».

– Следопыт? Должно быть, вы вкладываете в это слово какое-то особенное значение? Или я что-то не так понял?

Кейгон тут же пожалел о сказанном: ему было слишком лень что-либо объяснять. Но глаза Пихёна уже загорелись неподдельным любопытством, поэтому Кейгон сдался и нехотя проговорил:

– Ты знаешь старинную пословицу о том, что только трое могут пойти против одного?

– Да, конечно! Она означает, что для того, чтобы пойти против одной из четырёх древних рас, остальные три должны объединить свои силы. Если так подумать, то сейчас как раз три расы собираются вместе, чтобы спасти одного нага. Вы это имеете в виду?

– Да. Но существует ещё одна, более древняя трактовка. Она гласит, что когда трое представителей рас объединятся, чтобы выступить против одного, один из них станет следопытом, второй – чародеем, а третий – воином. Я так понимаю, ты у нас чародей.

– Я? Но я ведь даже не знаю никаких чар.

– Чародей не обязательно должен обладать настоящей магией. Можно сказать, что это некто вроде плута или фокусника, который вносит путаницу проделками и хитростью. Да и к тому же ваш огонь можно с лёгкостью принять за настоящее колдовство.

– Следуя вашей логике, получается, что следопыту на самом деле тоже не обязательно отыскивать путь?

– Да, всё так. Я думаю, монахи Великого Храма Хаинса выбрали меня в качестве некоего ответственного за группу и за само выполнение задания, так как я многое знаю о нагах и хорошо ориентируюсь в Киборэне.

– Получается, что лекон, который всё ещё не прибыл, должен быть воином. Интересно, какая роль на самом деле отведена ему? – с любопытством спросил Пихён.

Кейгон едва заметно кивнул в ответ. Все они хорошо подходили для отведённых им ролей: человек, который способен принимать решения в экстренных ситуациях, токкэби, не случайно выбранный в качестве чародея, и лекон, который как нельзя лучше подходит на роль воина. Глупые монахи совсем помешались на своих старых сказках.

– Проще говоря, это машина для убийств, которая должна будет уничтожать всё, что встретится на нашем пути. Вполне в духе леконов.

Спустя несколько часов Пихён полностью согласился со словами Кейгона.

Леконы не любят пустыни. И это вполне оправданно, ведь густое оперение, которое защищает их от внезапной атаки противника, совершенно бессильно против жаркого солнца. Поэтому, если лекону вдруг приходилось путешествовать по пустыне, он старался пересечь её как можно быстрее (конечно, не так быстро, как токкэби на своих гигантских жуках).

Поэтому, как только владелец гостиницы увидел на горизонте силуэт, который увеличился с невообразимой скоростью, он сразу понял, что к ним приближался лекон, поднимая за собой настоящую песчаную бурю. Картина выглядела весьма устрашающе, но после встречи с двумя другими постояльцами владелец гостиницы перестал принимать всё близко к сердцу и потому сохранял полное спокойствие. Лекон бежал с такой скоростью, что казалось, будто он парит над землёй. Приблизившись к гостинице, он так быстро взлетел на тридцатиметровый склон, будто бы у него была аллергия на лестницы. Но на входе всё же пришлось сбавить обороты – каждый, кто имеет при себе железное копьё длиной семь метров, должен быть осмотрителен, когда заходит в дверной проём.

Лекон вошёл в гостиницу и огляделся по сторонам. Обнаружив Кейгона и Пихёна за обеденным столом, он напрямик направился к ним. В атриуме первого этажа был довольно высокий потолок, но, как оказалось, недостаточно высокий для трёхметрового лекона, который находился на грани приступа клаустрофобии. Пихён был в восторге от увиденного, а вот Кейгон снова почувствовал невероятное напряжение. Он кое-как привык к обществу токкэби, а вот как себя вести с леконом, было ещё не совсем понятно. Пытаясь скрыть своё беспокойство, Кейгон громко кашлянул и продолжил смотреть на лекона.

К счастью для него, тот первым открыл свой клюв и заговорил:

– Так, токкэби и человек. Я пришёл в нужное место.

Кейгон испытал вот уже вторую положительную эмоцию за столь короткий период. Пихён вежливо представился:

– Меня зовут Пихён Срабл. А это Кейгон Дракха. Вы пришли по просьбе Великого Храма?

– Да.

Сказав это, лекон огляделся и, присмотрев подходящее место, прислонил своё копьё к лестнице на второй этаж. Пихёна сразу позабавило увиденное, а когда лекон сел на пол, не найдя для себя подходящий по габаритам стул, он и вовсе развеселился. Ведь даже сидя на полу, он всё ещё смотрел на них сверху. Однако, когда лекон заговорил, от веселья Пихёна не осталось и следа.

– Меня зовут Тинахан. И у меня есть парочка претензий к токкэби.

К счастью для Пихёна, Тинахан не упомянул о каком-то определённом недостатке или дурной привычке, характерных для всех токкэби, из-за которых он их недолюбливал. Он лишь пожаловался на то, что токкэби никогда не пытались приблизиться к ханьльчхи. Пихён спросил, почему же это проблема, и, получив ответ на свой вопрос, буквально вскрикнул от восторга:

– Ого! Так вы расхититель гробниц на спинах ханьльчхи! Я прав?

Тинахан, открыв крышку винной бочки, которую принёс владелец гостиницы, угрюмо произнес:

– Ну, вроде того. Если бы вы, противные токкэби, помогли нам, я бы уже давно забрался на спину к этой небесной рыбе.

– Но что мы можем сделать, если наши ездовые жуки отказываются приближаться к ним. Среди нас тоже много тех, кто хочет добраться до этих руин, но жуки абсолютно нас не слушаются! Даже самый хорошо обученный жук убегает, как мышь от кошки, когда видит эту рыбину. Разве вы не слышали об этом?

– Слышал. Я никак не мог в это поверить, поэтому решил даже на эксперимент. И жук действительно сбежал. Чёрт побери, если вы можете обучить их даже несложному языку жестов, почему же вы не можете объяснить им, что ханьльчхи смирный, а? – словно спичка, вмиг вспыхнул Тинахан.

– Если он действительно не агрессивный, откуда же тогда появилась поговорка «словно разъярённый ханьльчхи»?

– Я столько раз слышал это нелепое выражение, что даже устал от него. В жизни не видел ни одного разгневанного ханьльчхи. Это всё дурацкие выдумки. Просто какие-то идиоты, ни разу не видевшие их своими глазами, заранее наложили в штаны, а мозгов-то своих не хватает, чтобы...

– Не совсем так, – перебил его Кейгон, который до сих пор молчал и не решался вступить в столь оживлённый спор.

Тинахан и Пихён разом удивлённо посмотрели на него.

– Был один разгневанный ханьльчхи. Неизвестно, что привело его в ярость, но он стёр с лица земли целое королевство, – невозмутимо продолжил он.

– Королевство? – Тинахан слегка наклонил голову набок. – Ты про эпоху, когда миром правил король? Бред, это всего лишь старые сказки.

– Да, это старая легенда. Но такой случай точно был.

– Как ты можешь верить в этот доисторический бред? Эту легенду мог сочинить кто угодно.

– Что ж, тогда отложим этот спор до прибытия в Великий Храм Хаинса. В их библиотеке хранятся записи о том, как монахи рисковали жизнью, чтобы защитить храм от гнева ханьльчхи. К слову о Великом Храме, нужно обсудить наш план. – Кейгон почувствовал облегчение, когда Пихён и Тинахан наконец согласились сменить тему.

– Насколько я знаю, жук может выдержать двоих. А ты, Тинахан, можешь бежать со скоростью, которая не уступает жуку. Поэтому я предлагаю выспаться до завтрашнего дня и отправиться на закате. Пихён и я поедем на жуке, а Тинахан побежит следом. К утру следующего дня будем у южной границы пустыни Пунтэн. Там мы отправим жука назад, отдохнём и войдём в Киборэн.

Пихён и Тинахан были растеряны. Они ожидали хоть какого-нибудь обсуждения, а не сухой раздачи распоряжений. Конечно, Кейгон всё же скорее предлагал свой план, нежели командовал, но так как они не имели ни малейшего понятия о том, что им предстоит делать, им приходилось только молча соглашаться. Поняв, что дальше обсуждение будет продолжаться в том же духе, Пихён поднял руку, чтобы прервать Кейгона:

– Прошу прощения, что перебиваю вас, Кейгон, но я чувствую, что мы абсолютно не осведомлены о предстоящей миссии. Я вот совсем ничего не знаю о нагах, кроме того, что они извлекают свои сердца по достижении совершеннолетия, и того, что они не разговаривают как остальные расы. А о Киборэне знаю только то, что там огромное количество деревьев. Как насчет вас, Тинахан?

Лекон немного покрутил клювом и кивнул в знак согласия. Пихён снова посмотрел на Кейгона:

– Кейгон, дорогой, ну зачем же вы тратите время на это подобие обсуждения? Вы и сами прекрасно знаете, что нам нужно делать, так давайте вы просто дадите нам распоряжения, а мы будем им следовать. Вы же следопыт как-никак, верно? – вновь весело подначил Пихён.

– Но вы должны обладать всей необходимой информацией. Что, если я умру в Киборэне?

– Ну зачем вы так? Я в таком случае собираюсь просто поджечь всё вокруг и как можно быстрее бежать на север. Всё же, если вы умрёте, нас останется только двое. А двое, как известно, не могут пойти против одного, не так ли?

Кейгон вздохнул:

– Вам нужно знать ещё кое-что. Использовать свои способности в лесу – это не самая лучшая идея. Наги хорошо различают температуру и смогут заметить огонь быстрее, чем кто-либо ещё. Да, на какое-то время это может помочь отпугнуть нагов-разведчиков, но вскоре вы соберёте вокруг себя всех нагов в радиусе нескольких десятков километров. Эти фанатики никогда не простят тех, кто поджёт их драгоценные деревья. Даже копьё Тинахана будет бесполезно против сотни нагов под действием содрака.

Леконы считают поругание своего оружия куда более серьёзным, чем даже оскорбление самих себя, но, к несчастью, Тинахан не смог отреагировать на столь обидное заявление в адрес своего драгоценного копья: Кейгон использовал слишком много слов, добрую половину значения которых Тинахан так и не понял. Поэтому прежде он решил выяснить, что такое «температура», «разведчики», «фанатики» и «содрак». Пихён тоже слушал с любопытством.

Кейгон был в замешательстве.

Только теперь он осознал, сколько же времени прошло с тех пор, как северные и южные территории были разделены. Несколько сотен лет назад Великая экспансия нагов на север была остановлена лишь благодаря так называемому абсолютному пределу температуры, за которым начинались непригодные для жизни нагов территории. На этом месте была установлена Предельная граница, и мир разделился на две части. Миром нагов стал Киборэн и земли к северу от него. На юге же остался нормальный мир – незаселённые земли, пустыни, луга, леса и ледники. Бедным нагам достался лишь один-единственный тропический лес Киборэн, который покрывает чёртову половину всего мира.

Кейгону казалось, что всё это похоже на какую-то дешёвую комедию. За исключением одного человека, который ежедневно отлавливал и поедал нагов в самом ближайшем к Предельной границе городе Карабора, теперь все думали, что наги и их земля Киборэн существуют только в мифах. И если бы нагам вдруг пришлось найти кого-то, кто засвидетельствовал бы их существование, они бы должны были обратиться к тому, кто ненавидит их больше всего на свете. Монахи из Великого Храма не могли не знать об этом.

Ненависть часто играет злую шутку со своими хозяевами.

– Почему вы плачете?

Услышав встревоженный голос Пихёна, Кейгон вернулся к реальности. Когда он дотронулся до своего лица, то почувствовал, что кончики пальцев стали влажными. Тинахан ненавидел слёзы и поэтому тоже сердито смотрел на него.

– Я не знаю. – Кейгон вытер глаза.

– Вы вспомнили что-то неприятное?

Кейгон проигнорировал этот вопрос и просто продолжил:

– Слух у нагов слабый, но глаза не так просты, как кажутся. Они могут видеть температуру, и поэтому с лёгкостью замечают теплокровных существ, подобных нам, даже в самой непроглядной темноте. В связи с этим даже существует старая поговорка: «Токкэби – лучшая добыча для нагов». Как-то раз сообразительные токкэби решили обмануть глаза нагов и стали создавать огненных клонов людей и животных. Говорят, что их огонь был точь-в-точь как температура тела.

Пихён полностью забыл о слезах Кейгона. Он никогда раньше не слышал ничего подобного, даже от других токкэби.

– Ого, неужели это правда? Я могу обмануть нага с помощью своего огня?

– Да. Тебе представится возможность продемонстрировать нам это умение, когда мы войдём в Киборэн. Я же уже говорил тебе, кто в нашей команде чародей. Теперь коротко о том, почему я называю нагов фанатиками. Они действительно считают деревья своими друзьями. Ну, может, это и так, они ведь сажают их. Особенно им не нравится, когда их друзья горят. Бывает, что наги сами сжигают свои сокровища, но в таком случае не обходится без настоящих похорон. Ах да, это как раз вторая причина, почему наги не любят токкэби. Ваш огонь может не только обмануть их, но и сжечь драгоценные деревья.

Изумлённый Пихён всё ещё кивал головой, соглашаясь с каждым словом Кейгона.

– Наги-разведчики – это наги, которые бродят в Киборэне. В основном это женщины, которые ищут приключений, или те, кто проиграл в борьбе за власть в своём клане. В каждом городе нагов есть два, три или даже четыре разведывательных отряда. Область, за которой они наблюдают, обычно находится к югу от Предельной границы. Они следят за тем, чтобы неверующие вроде нас не вторгались на их территории. Ну и о деревьях тоже заботятся, соответственно. Лечат их или же восстанавливают леса, пострадавшие в пожарах. В большинстве случаев это становится их основным занятием, поскольку никто не заходит в Киборэн. И ещё одна важная деталь: содрак – секретный препарат нагов. Когда они приближаются к границе, из-за холода их движения резко замедляются. Но если они примут этот содрак, то на короткое время смогут двигаться так, будто находятся в самом жарком регионе Киборэна. Поэтому у разведчиков, которые бродят в окрестностях границы, всегда есть при себе немного содрака. Он красный. Поэтому, если во время битвы наг попытается проглотить красную таблетку, нам нужно будет немедленно остановить его. Это сложно, но, если у нас получится, мы лишим нагов их главного преимущества в виде непобедимых разведчиков.

Поток информации лился на Пихёна и Тинахана, словно водопад, отчего те начали даже тяжело дышать. В глазах читался лишь один вопрос: где Кейгон получил все эти сведения. Но тот никак не отреагировал и молча встал со своего места.

– Куда вы идёте?

– Надо бы разобраться с моим неожиданным приступом слёз. У вас же тоже нет идей. И ещё: не желаю, чтобы вы шли за мной.

Кейгон взял свой меч и вышел на улицу. Пихён и Тинахан остались в гостинице, непонимающе смотря друг на друга.

Пихён заметил, что за ними всё это время подглядывал хозяин гостиницы.

– Сэр? Вам есть что сказать?

Добрый тон токкэби придал владельцу гостиницы мужества, и, набравшись смелости, он побежал на кухню и вернулся оттуда уже с горшочком в руках. Хозяин гостиницы аккуратно поставил его на стол, за которым сидели Тинахан и Пихён, и быстро бросил взгляд на улицу:

– Извините, я тут случайно услышал часть вашего разговора. Вы, кажется, сегодня впервые встретились с этим человеком, я прав?

– Как пить дать прав. И что? – попытался вежливо ответить Тинахан.

– Держитесь от него подальше! Он сумасшедший!

Тут Тинахан призадумался, можно ли уже считать Кейгона своим товарищем. Потому что если да, то этого выскочку следовало бы хорошенько отметить, чтобы он не то что ходить, даже ползать разучился. Но всё же с момента их встречи не прошло и дня, поэтому Тинахан решил немного повременить с такими громкими выводами и дать бедняге второй шанс. Владелец гостиницы, не осознавая, что чуть было не оказался на грани жизни и смерти, выжидающе посмотрел на токкэби. Тот слегка наклонил голову набок:

– Даже не знаю, что вам ответить. Он не пускал слюни, не тарашил глаза и не утверждал, что хочет захватить весь мир. Почему же вы тогда так решили, сэр?

В качестве доказательства владелец гостиницы ловко ухватился за крышку горшка и резко открыл её. Пихён и Тинахан были так впечатлены решительностью его действий, что в итоге даже не смогли скрыть разочарования от увиденного.

– Хм, выглядит довольно опасно. Это же великий и ужасный холодный мясной суп, – выразил общее мнение Пихён.

Пихён и Тинахан недоуменно посмотрели на хозяина гостиницы, и тот осознал свою ошибку.

– Это не просто мясной суп, там мясо нага! – драматично закричал он.

Теперь владелец гостиницы был доволен собой. Тинахан и Пихён наконец показали реакцию, которую он так ждал. Пихён побледнел и попятился назад, а Тинахан наклонился вперёд и уставился на содержимое горшка.

– Этот человек сказал мне, что пришёл в пустыню через Киборэн, – победно продолжил хозяин гостиницы. – Естественно, я ему не поверил, но потом он показал мне то, что принёс с собой, и попросил приготовить! Чтобы он мог съесть это! Боже мой, такое вообще возможно? Я ничего не мог сделать, я ведь был невероятно напуган. Он смотрел на меня этими своими глазами, а я никогда в жизни не видел таких глаз! Я бы показал вам больше мяса, но это всё, что осталось. Этот человек всё съел! Он просто сожрал это!

– А ты уверен, что это вообще наг? – Тинахан всё ещё сомневался в правдивости слов хозяина гостиницы. – Не какое-то там животное? А то ты, наверное, и живого-то нага никогда не видел, не то что мёртвого.

Владелец гостиницы покачал головой:

– Ну и что, что я впервые увидел его! Я сразу всё точно понял. У какого животного есть руки, покрытые чешуей? Да я чуть в обморок не упал, когда вытащил эти пальцы!

Тинахан взял палочки для еды. Пока Пихён и владелец гостиницы стояли в оцепенении, молча уставившись на него, он подошёл к горшку, взял кусок мяса и стал внимательно разглядывать. Затем он положил его на стол и продолжил рассматривать уже там. Пихён решил присоединиться и, как только увидел, что к куску мяса что-то прилипло, тотчас согнулся пополам и прямо на месте извергнул всё содержимое своего желудка. Не было никаких сомнений, в куске мяса торчал ноготь с остатками чешуи. Плоский ноготь, которого не могло быть у животного.

Кейгон сидел на краю обрыва и всматривался в мутное ночное небо. Сквозь него едва заметно мерцали звёзды, а луна была бледной, словно рыбе брюхо. Казалось, что ночное небо пустыни было даже немного обижено на свет за то, что на его фоне оно выглядело таким гряз-

ным. Губы Кейгона тронула лёгкая улыбка. При тусклом свете звёзд и луны пустыня, погружалась в непроглядную темноту.

Вдруг перед его глазами, которые смотрели на небо, похожее на мутную канализационную воду, появилась огромная рука.

Нахмурившись, мужчина присмотрелся к ней. На огромной ладони лежал маленький кусочек мяса. Тот самый, с ногтём.

– Чёрт возьми, всё-таки это была не обезьяна! Конечно, у какой обезьяны есть чешуя! В горшке и правда был наг! – Эмоции Пихёна били через край.

Кейгон медленно повернул голову, сначала посмотрел на лицо Тинахана, уставившегося на него с высоты своего огромного роста, а затем на лицо Пихёна, которое было значительно ближе, и снова отвернулся.

– Если вам есть что сказать, я бы предпочёл, чтобы вы сидели. Слишком высоко для меня, – спокойно проговорил он.

Лекон и токкэби послушно сели рядом, но их головы всё равно были на уровень выше. Тинахан безучастно посмотрел на кусок мяса, а затем выбросил его в пустыню и проговорил:

– Так что, будут объяснения?

– Это был кусок тела одного из нагов-разведчиков, которого я встретил по пути в эту гостиницу, – всё ещё спокойным тоном начал объяснять Кейгон. – Он бы регенерировался, если бы я просто оставил его там, поэтому я разрезал тело на куски и взял несколько важных частей. Одной из них, вероятно, была рука.

– Они так хорошо регенерируют? – стараясь не повышать голос, спросил Тинахан.

– Однажды я видел нага, который отрастил себе новую голову, – ответил Кейгон.

У Тинахана поднялся гребень.

– Го... голову? – начал заикаться он.

– Да. Тогда я слишком устал после нашей схватки, да и к тому же не мог тратить больше времени, поэтому решил забрать с собой только голову, а остальное оставил в лесу. Через два года я снова встретил этого нага. Он был очень рад нашей встрече. Вероятно, искал меня всё это время.

– Чёрт побери... и что было дальше? – с неподдельным интересом спросил Тинахан.

Кейгон на мгновение повернул голову к лекону и затем снова устремил свой взгляд в темноту.

– Я не думаю, что когда-нибудь снова увижу его.

Тинахан решил, что не будет уточнять, чем всё же закончилась та встреча. Вместо этого он задал другой вопрос:

– Значит, в течение как минимум двух лет ты продолжаешь заниматься этой ерундой?

– Я занимаюсь этим гораздо дольше, – ответил Кейгон.

– Ты нападаешь на нагов, варишь их конечности, а потом ешь?

– Иногда жарю. А что вы, собственно, привязались ко мне?

– Не понял? – пробасил Тинахан.

– Скажите прямо, чего вы от меня хотите. Вы пытаетесь меня обвинить? Или, может, вы тоже хотите попробовать мясо нага и ищите совета? – Кейгон выразительно посмотрел на Тинахана: – Только если это не так, не кажется ли вам, что вы суёте нос не в своё дело?

Тинахан смутился. Он действительно не понимал, зачем пристал к Кейгону с расспросами.

– Да, я вот обвиняю! Обвиняю, обвиняю и ещё раз обвиняю! Вы поняли меня? – неожиданно для всех воскликнул Пихён.

Кейгон оглянулся на Пихёна. Тот кричал, размахивая кулаком в воздухе:

– Наги такие же живые существа, как и вы! Как человек может есть себе подобных? Есть у вас хоть какое-то оправдание своим действиям? – уже немного успокоившись, проговорил он.

– Да оно мне и не нужно, – безразличным тоном ответил следопыт.

Пихён растерялся и, будто не зная, куда деть руки, немного помедлив, проговорил:

– Значит, вы признаёте всю безнравственность и аморальность своего поступка? Окончательно и бесповоротно?

– Если тебе так хочется, я признаю. Для меня это не имеет большого значения.

– Что? Что вы имеете в виду?

– Проще говоря, мне всё равно, что вы думаете обо мне. Хотите меня оскорбить – оскорбляйте, хотите проклинать – проклинайте сколько угодно. Мне всё равно.

– Нет, я хочу от вас совсем не этого! Просто признайте, что то, что вы делаете, – неправильно, и перестаньте это делать! Это всё, чего я хочу. Вы меня понимаете?

– Да.

– В таком случае вы признаёте свою ошибку и обещаете больше так не делать?

– Ничего я не признаю и прекращать ничего не обещаю.

– Может, тогда вы попытаете объяснить мне? – в растерянности проговорил Пихён. – Давайте! Почему вы так поступаете?

– Не буду я ничего объяснять.

Пихёну казалось, что он разговаривает с деревом. Кейгон не выглядел злодеем, и это вызывало ещё большее негодование. Он не смеялся как сумасшедший, да и взгляд его не выглядел безумным. Наоборот, он всегда говорил тихо и по делу, и даже его речь не казалась слишком уж грубой. Когда Пихён почувствовал, что вот-вот закричит от бессилия, Кейгон снова заговорил:

– Я сожалею, если моё поведение доставляет вам неудобство, но в качестве решения могу предложить только одно: Пихён, ты тоже можешь воспользоваться правом, которым обладают все наги по отношению ко мне.

– Правом? Каким ещё правом?

– Ты можешь тоже попытаться убить меня.

Пихёну стало не по себе от услышанного. Кейгон медленно встал и посмотрел прямо ему в глаза:

– Это единственный способ остановить того, кто ест «таких же живых существ». – Его голос был абсолютно спокойным. – Попробуйте убить меня. Однако в таком случае за последствия я не отвечаю.

– Значит ли это, что вы убьёте меня, как нага, если я попытаюсь вас остановить?

– Если понадобится.

Пихён резко вскочил со своего места. Он посмотрел на Кейгона сверху вниз и закричал:

– Так вы же сами не хотите умирать! И наги тоже этого не хотят. Они не хотят умирать.

Почему вы делаете с другими то, чего сами боитесь?

– Именно потому и делаю.

– Что?

Тут Пихён заметил, что рука Кейгона медленно движется. Проследив за ней взглядом, он увидел меч с двойным лезвием. Кейгон всё это время держал его в руках, искусно скрывая от глаз Пихёна. Удивительно, как у него вообще получилось хоть куда-то спрятать оружие таких размеров. Кейгон медленно поднял свой меч и повесил его на крюк за спиной.

– Я убиваю их потому, что они не хотят умирать. – Повторив свои слова, он направился обратно к гостинице.

* * *

Несмотря на то что у нагов есть не так много видов искусства, которые могли бы позаимствовать другие расы, это не означает, что их нет совсем. Из-за своего необычного зрения

и слабого слуха в культуре нагов отсутствуют изобразительное искусство и музыка. Зато у них есть тело, которое может очень хорошо двигаться. И поэтому наги могут танцевать.

Люди танцуют, чтобы получить удовольствие от движений своего тела. В этом наги не сильно отличаются от них. Разница лишь в восприятии самого танца. Для танцоров других рас главным является техника движения и ритм танца, в то время как для нагов уровень мастерства определяется тем, насколько искусно танцовщица создаёт потоки воздуха вокруг себя.

Во время танца наги держат в руках что-то вроде танцевальной палочки, представляющей собой железный прут с деревянным основанием. Как бы смешно это ни звучало, но со стороны может показаться, что наги танцуют с паяльником в руках. Традиционный танцевальный реквизит специально нагревается в жаровне перед выступлением, что в определённой степени и делает его похожим на небезызвестный инструмент.

Иногда нагини-танцовщицы используют факелы вместо танцевальных палочек, но они считаются менее эффектными, так как температура факела слишком высокая. Для исполнения танца больше подходят нагретые на концах танцевальные палочки, которые светятся в руках, словно два сияющих луча. Танцовщица с их помощью будто играет с воздухом, заставляя его дрожать и кружиться. Только наги могут видеть этот прекрасный карнавал света, который поистине нельзя передать словами.

Все женщины и мужчины клана Фэй были заворожены блестящими движениями Само.

Движениями, которые представляли собой изящные шаги, наклоны, прыжки и повороты. Яркие потоки воздуха танцевали вместе с Само. В моменты, когда она на мгновение замирала в танце, она снова становилась собой, но затем через пару мгновений вновь превращалась в существо из света. Все собравшиеся не могли отвести взгляд от столь прекрасного зрелища.

Вскоре танец закончился.

Мужчины опустили руки в чашу с водой, которая стояла перед ними, и стали разбрызгивать её на поверхность жаровни. Поскольку танцевала именно Само, женщины из её клана также не стеснялись выражать своё искреннее восхищение. Само слегка поклонилась, положила танцевальную палочку в жаровню и направилась к выходу. Остальные нагини в зале не были рады успеху Само и поэтому показательно остались на своих местах, а вот двое молодых нагов одновременно вскочили со своих мест и неловко уставились друг на друга. Пока они думали, как одновременно выразить нагине своё почтение и восхищение, та уже успела покинуть круг зрителей.

Само проходила мимо колонны, как вдруг из-за неё сначала появилась рука, протягивающая стакан воды, а спустя несколько мгновений и сама фигура Рюна. Танцовщица смутилась и неловко взяла стакан в руки.

«Отличный танец. Жаровня холодная».

Само улыбнулась. Поверхность жаровни быстро остыла, поскольку зрители всё ещё с восторгом продолжали разбрызгивать воду. При попадании капель холодной воды на раскалённую поверхность происходит изменение температуры и одновременно с этим резкое движение воздуха, что выглядит для нагов более впечатляюще, чем даже сияние кометы. Именно поэтому выражение «холодная жаровня» используется в качестве наивысшей похвалы мастерства выступающего.

Само выпила воду и вернула стакан Рюну:

«Я не видела, чтобы ты разбрызгивал воду».

«Я не хотел выходить. Устал от их шуток по поводу предстоящей Церемонии Извлечения. Да и слова поддержки уже тоже больше не нужны. Я понимаю, что они просто хотят приободрить меня, но всё же».

«Вместо этого я аплодировал. Вы слышали меня?» – опустив глаза, проговорил Рюн.

«Что ты делал? Аплодировал?» – Само слегка наклонила голову набок.

«У неверующих очень хороший слух, поэтому, когда они хотят кого-то похвалить, хлопают в ладоши в знак своего восхищения».

Рюн захлопал в ладоши ещё раз. Само сосредоточилась на своём слухе и услышала слабый звук, исходящий от рук брата.

«Странно, я не понимаю, почему это означает похвалу. Кто тебя научил такому? Хва-рит?» – издав короткий смешок, проговорила Само.

«Нет. Это был другой человек».

«Другой?»

«Да».

«Вот как».

Само поняла, кого Рюн имел в виду. Даже для нагов молчание выражает согласие, поэтому Само и Рюн закрыли свои разумы и некоторое время просто смотрели друг на друга. В конце концов Рюн первый отвёл взгляд и смущённо продолжил:

«Не хотите пройтись?»

Само молча пошла вперёд. Они открыли дверь и вышли из зала в коридор с колоннами, в конце которого виднелся сад. Когда Само оказалась уже на середине сада, Рюн понял, что они направляются в беседку.

Каменные стулья были нагреты солнцем, отчего на них было очень приятно сидеть. Само первая села на стул и обратилась к спутнику:

«Садись, Рюн».

В это время он уже нагнулся, чтобы сесть, но затем замер в неловкой позе и посмотрел на Само. Та весело рассмеялась, на что Рюн смущённо улыбнулся и тоже сел напротив.

«Ты настолько вежливый, что садишься только после разрешения женщины», – решила немного подразнить его Само.

«Само, я был непозволительно груб с вами вчера».

«Ох, а ты и вправду очень вежливый. Такое официальное извинение вгоняет меня в краску», – снова с улыбкой произнесла она.

Рюн не знал, что делать.

«Я выглядела слишком жалкой вчера, да? Прости. Ты казался таким растерянным. Я тоже не думала, что умею так плакать», – мягко проговорила Само.

«Не берите в голову».

«Значит, тебя всё-таки это беспокоило».

Рюн снова не знал, как ему реагировать на услышанное.

«Возможно, я прошу слишком многого, – Само слегка откинулась назад и посмотрела на небо, – но постарайся больше не думать об этом».

Рюн сидел, молча уставившись на каменный стол. Само опустила взгляд, а затем снова посмотрела на Рюна:

«Даже если ты не можешь быть моим ребёнком, мы же всё ещё можем стать друзьями, верно? Это всё, чего я хочу. Будем писать друг другу письма, наполненные пустой болтовнёй, а раз в несколько лет, когда ты будешь неподалеку от Хатенграджа, будем встречаться и разговаривать. Изредка я могла бы даже отправляться в путешествие, чтобы встретиться с тобой. Ты же не против?»

«Само, я ...»

Рюн прервал свою мысль, так и не закончив её. Спустя мгновение Само сказала:

«Не волнуйся, я не обманываю себя, пытаюсь найти замену. И если что-то в моём поведении заставило тебя думать иначе, я исправлю это. С этого момента давай считать, что ты – мой самый близкий друг. Рюн, пойми, мне нужен друг, а не ребёнок».

Рюн недоумённо покачал головой:

«Но у вас ведь и так полно друзей».

«В этом мире хорошие друзья – это как хорошие шутки или слова благодарности: чем их больше, тем лучше».

Рюн никак не мог понять, почему такая женщина, как Само Фэй, которую любит вся её семья, держалась за друга вроде него. Почему она просила именно Рюна не прерывать с ней связь.

Внезапно Рюн осознал, как сильно он любит Само. Лишиться своего сердца означало бы не только потерять имя Фэй, но и связь с Само. Их отношения больше ничего бы не значили: он бы уже не был ни её братом, ни мужчиной, с которым она могла бы переспать. И когда Рюн решил, что их отношения должны исчезнуть, Само вновь соединила их нитью под названием дружба. И это после того, как он причинил ей столько боли и даже довёл до слёз.

Рюн кивнул в знак согласия, и на лице Само наконец расцвела широкая улыбка:

«Спасибо тебе. Ты не хотел бы вернуться и потанцевать?»

«Я ещё немного побуду тут».

«Хорошо».

Само встала со своего места и, прежде чем развернуться, провела рукой по каменному столу, а затем аккуратно погладила Рюна по руке.

«Спасибо тебе», – произнесла она слова, которые так сильно хотел ей сказать Рюн.

Он так ничего и не смог ответить и просто позволил Само уйти.

Рюн ещё долго сидел один и вспоминал различные моменты из прошлого, связанные с Само. Он пытался заново переосмыслить их и понять, где ещё он мог совершить ошибку, как вдруг что-то отвлекло его внимание.

Вдалеке виднелась Башня Сердца.

Строение высотой более двухсот метров можно было увидеть невооружённым глазом из любой точки города. И сейчас, смотря на это поразительное сооружение, Рюн удивлялся самому себе. В последнее время при одном только взгляде на Башню его охватывало чувство ненависти, однако сейчас он не чувствовал ничего, кроме пустоты. Почему же?

Ответ был прост: до этого момента Башня была для Рюна тем местом, где у него должны были отнять сердце и тем самым положить конец его отношениям с Само. Теперь же у них появилась новая связь, которую он не позволит так просто разрушить.

Рюн закрыл лицо руками и заплакал. От гнева не осталось и следа, и теперь в его сердце вновь поселилось липкое чувство страха, заставляя с новой силой дрожать все чешуйки на его теле. Рюн был действительно благодарен Само за этот разговор, но вместе с облегчением наступило осознание того, что именно на ненависти и строились последние одиннадцать лет его жизни. Прежде у него была весомая причина ненавидеть Башню Сердца. Теперь же Рюну ничего не оставалось, кроме как вытирать серебристые слёзы с глаз. Прошло уже столько лет, но какая-то часть Рюна всё ещё была привязана к тому одиннадцатилетнему мальчику.

Ровно одиннадцать лет назад в Башне Сердца трагически прервалась жизнь одного нага. С тех пор облик истекающего кровью мужчины стал постоянным кошмаром Рюна.

Нага по имени Ёсбй.

Отца Рюна.

Настал тот день, когда звезда Шана скрылась за луной. Хварит впал в отчаяние.

Кару и Свачи так и не смогли найти никаких убедительных доказательств того, что Виас хотела отравить Хварита. Хотя, даже если бы Виас разложила перед ними дюжину бутылочек с ядом, Кару и Свачи ни за что бы не поняли этого, если бы на них не было написано «яд». В этом плане они молодцы – не стали лукавить и сразу признались Хвариту в своей несостоятельности в качестве шпионов. Однако Кару всё же сделал весьма ценное замечание, подытожив, что Виас ни за что не пойдёт на столь рискованный поступок, так как она стремится стать главой клана:

«Если кто-то умрёт во время Церемонии Извлечения, это повлечёт за собой серьёзный скандал, Хварит. Даже если это будет обычный мужчина, а не нагиня. Начнётся расследование, а поскольку Виас искусный алхимик, она будет первой в числе подозреваемых. Такие, как она, ни за что не стали бы подвергать себя такому риску. Ненависть к тебе уж точно того не стоит. Так что с точки зрения логики у неё нет причин убивать тебя. У Виас же есть логика, верно?» – картинно призадумался он.

Конечно же, Виас не была ею обделена. Кто ещё мог бы быть более рациональным и расчётливым, чем Виас, которая прекрасно контролировала себя после 12 лет неудачных попыток завести ребёнка? Обдумав всё ещё раз, Хварит решил согласиться с мнением Кару и не отменять прохождение ритуала. Но до тех пор, пока он не надел чистую одежду, преподнесённую кланом в качестве последнего подарка, он не почувствует радости от предвкушения церемонии.

Клан Макероу подготовил подарки в соответствии со своим статусом: чистая одежда на несколько дней, гора золота и острый кинжал. Хварит горько усмехнулся, увидев в подарке ещё и пару танцевальных палочек. В данном случае было трудно сказать, являлось ли это тоже проявлением заботы, ведь у Хварита не было никакой склонности к танцам. Скорее, это было лишь демонстрацией того, насколько безупречными были приготовления клана к церемонии.

Хварит сложил все подарки в небольшой рюкзак, также подготовленный кланом, и вышел из комнаты, чтобы по очереди попрощаться с женщинами семьи.

Дюсэна и Сомеро, как всегда, продемонстрировали превосходные манеры и дали ему несколько напутствий – уважать старших, всегда быть вежливым и тому подобное, но с несколько напускным чувством сожаления. Хварит в свою очередь выразил благодарность за то, что его воспитывали в течение 22 лет, и в ответ на их напутствия сказал, что никогда не забудет проявленную к нему благосклонность. Разумеется, этот обмен любезностями был совершенно бессмысленным: когда Хварит закроет за собой дверь, между ним и кланом не останется ничего общего.

А вот Кариндоль весьма удивила его. По пути к ней он ожидал услышать что-то вроде запугиваний, поэтому почти упал в обморок, когда та неожиданно обняла его.

«Когда ты уйдёшь, я останусь совершенно одна».

Хварит отчасти понимал её чувства. Они с Кариндоль были единственными родными детьми Дюсэны. И, несмотря на это, следующей главой клана всё равно должна была стать Сомеро. Конечно, она хорошо подходила на эту роль, но было ясно, что в таком случае Кариндоль придётся, мягко говоря, несладко. Хварит мужчина, он в любом случае не смог бы помочь своей сестре, но, увидев сейчас, что тот уходит навсегда, Кариндоль, похоже, решила в последний раз поддаться эмоциональному порыву. Немного помедлив, Хварит произнёс:

«Сестра, не волнуйся, Сомеро – благородная женщина».

Кариндоль сердито посмотрела на него:

«Ты просто глупый ещё. У Сомеро нет ничего, кроме её пресловутой морали. Было бы лучше, если бы у неё были хоть какие-нибудь амбиции или хитрость».

Хварит был озадачен её последними словами, но сестра не стала ничего объяснять.

Он понял, что именно имела в виду Кариндоль, когда уже почти подошёл к комнате Виас, и от удивления даже остановился посреди коридора.

Сестра опасалась, что добрая и бесхитростная Сомеро не сможет противостоять коварству Виас и та отнимет у неё право стать главой клана. Кариндоль предвидела это и хорошо понимала, к чему может привести такой расклад сил. Сомеро была слишком хорошей, она бы ни за что не стала устраивать настоящую травлю своей сестры. Но вот если станет главой клана Виас, то жизнь Кариндоль в клане имела бы все шансы превратиться в сущий кошмар.

«Сможет ли Виас действительно стать главой клана? И почему Кариндоль так уверена в этом?» – рассуждал про себя Хварит.

Будучи погружённым в свои мысли, он не сразу заметил на двери знак с надписью «Вход воспрещён». Похоже, что Виас была занята, в очередной раз проводя один из своих опасных экспериментов. Хварит не испытывал особого желания увидеться с сестрицей и, подумав, что это даже к лучшему, быстро зашагал в противоположную от комнаты сторону. В конечном счёте, он совершенно точно не будет сожалеть о том, что не попрощался с ней.

Полностью вооружённые Кару и Свачи ждали его у входной двери. На их лицах отчётливо читался страх, и Хварит понял, что они не меньше него нервничали перед предстоящей церемонией. Решив немного приободрить своих сопровождающих, он послал им наигранно весёлый нирым:

«Ну что ж, вперёд! Достанем уже наконец моё сердце!»

В клане Фэй Рюн тоже готовился к Церемонии Извлечения. В отличие от своего друга, который получил безупречные, но не совсем искренние поздравления, Рюну вручили подарки, преследуя самые благие намерения. Правда, это всё равно не доставило ему никакой радости.

«Мужчине нужно оружие, Рюн. Никогда не знаешь, с чем придётся столкнуться в джунглях», – воодушевлённо произнесла Само, перед тем как открыть дверь.

Рюн был поражён, когда заглянул в оружейную мастерскую Само. Искусство танца имеет общие черты с боевыми искусствами, поэтому Само Фей, выдающаяся танцовщица, была также непревзойдённым мастером и в искусстве ведения боя. Несомненно, вся её коллекция была по-настоящему превосходной. Но так как выбор был очень сложным из-за большого количества оружия, Само предложила Рюну подержать в руках каждый экземпляр и таким образом выбрать наиболее понравившийся.

Взгляд Рюна остановился на сайко, который висел на стене. Так называлось традиционное оружие нагов, по своей форме похожее на катану или меч. Сайко был известен своим острейшим лезвием, которое считалось недостаточно острым, если не способно было разом прорезать десять слоёв пергамента. Экземпляр, на который смотрел Рюн, превосходил лучшие образцы оружейного искусства нагов. Однако он мало что понимал в оружии и не мог в полной мере оценить его достоинства. Его больше заинтересовала надпись на клинке, и, немного подумав, он аккуратно снял его со стены, чтобы поближе рассмотреть необычную гравировку. Заметив, как сильно Само изменилась в лице, он подумал, что позволил себе лишнего, и осторожно произнёс:

«Простите меня. Этот меч, наверное, много значит для вас».

Рюн повернулся, чтобы повесить его обратно на стену, но Само поспешила остановить его:

«Нет, всё нормально. Я не пользуюсь им. Просто удивлена, что твой выбор пал именно на него».

«А что в нём особенного?»

«Ну... он принадлежал тому человеку».

Рюн вздрогнул. Он посмотрел на Само, а затем снова на оружие в своих руках.

«Тому человеку?»

«Да».

«Разве вы не должны были уничтожить всё, что принадлежало ему?»

«Должна была», – улыбнувшись, мягко ответила Само.

Рюн почувствовал, как дрожит его рука, и крепче обхватил оружие. Из-за того, что руки дрожали, ему казалось, будто меч извивался у него в руках. Он поднёс его ближе к лицу и заметил следы потёртостей около рукоятки. Будто кто-то искусно добавил узор к уже нанесённым буквам. Обычные люди ни за что бы не смогли заметить этого, но Рюн не был человеком.

«Как вам удалось спрятать его?»

«Я отдала им один из своих клинков. Возьми его, я не думаю, что он был бы против».

Само открыла короб, достала подходящие ножны и отдала их Рюну. Тот неловко закрепил их на своей талии, после чего решил поблагодарить сестру за подарок:

«Я уже давно оставил надежду найти хоть что-нибудь, что осталось от нашего отца. И... я всегда мечтал иметь что-нибудь в память о нём. Хотя бы одну вещь».

Само несколько удивилась, услышав от Рюна слово «отец».

«Отец?» – переспросила она.

«Да, отец – это...» – начал неуверенно объяснять Рюн.

«Я знаю, что означает это слово. Это суеверия неверующих».

«Суеверия?» – теперь настала очередь Рюна переспрашивать.

«Да, суеверия. Не существует такого понятия, как «отец», – неловко рассмеялась Само. Она не хотела спорить с братом, однако тот, похоже, не собирался отступать:

«Тогда почему же вы сохранили этот сайко? Не потому ли, что это был и ваш отец тоже?»

Лицо Само вспыхнуло:

«Так ты тоже знал об этом? Да, у них с мамой были близкие отношения, но я сохранила его не потому, что он мой отец. Ёсби в первую очередь был моим наставником в боевых искусствах. Я сохранила этот сайко в память о своём учителе».

Холодный ответ Само задел Рюна. Почувствовав это, нагиня сделала шаг вперёд и, глядя прямо ему в глаза, произнесла:

«Рюн, мы появились на этот свет не только благодаря ему. Если ты действительно хочешь использовать это глупое слово «отец», то тогда называй отцом и всех животных, которых съела твоя мать, и всю воду, которую она выпила. Ты же сам понимаешь, что так глупо говорить».

«Понимаю. Я всё прекрасно понимаю».

«Хорошо. Но прежде чем уйти, возьми свои слова обратно».

«Какие слова?»

«Об отце. Забери их. И пообещай впредь никогда не говорить об этом. Обещай мне, что больше никогда не будешь использовать это слово. Будучи приверженцем такой глупой идеи, ты никогда не сможешь думать трезво».

Рюн рассмеялся про себя: *«Как можно просить о таком обещании. Ещё бы попросила меня забыть тот день одиннадцать лет назад»*. Но Рюн лишь кивнул в знак согласия. Он не хотел разочаровывать своего единственного друга в клане.

«Хорошо, я постараюсь».

Попрощавшись с остальными членами своей семьи, Рюн вышел на улицу. У выхода его ждали десять мужчин-сопровождающих, которые, к удивлению Рюна, были все, как один, небрежно одеты.

В большинстве случаев сопровождающие уходят в другие кланы, вслед за совершеннолетними нагинями, покидающими Башню Сердца после успешно пройденной Церемонии Извлечения. Однако сегодняшний небрежный вид мужчин явно свидетельствовал о том, что после церемонии все десять сопровождающих вернутся обратно в клан. Прогулка по Хатенграду в сопровождении стольких нагов означала только одно: сегодня Рюн станет мишенью не только для большой похвалы, но и для сильной ревности.

«Все собираются вернуться обратно?» – спросил Рюн, подойдя ближе.

«Да».

Прежде чем навсегда покинуть свой дом, Рюн осторожно произнёс:

«Сегодня в Башне Сердца много девушек станут совершеннолетними».

«Мне нравится этот клан. Остальным – тоже. Эти девы вполне могут попытаться соблазнить вас или других нагов, которые придут на церемонию», – слегка прищурившись от солнца, ответил один из мужчин.

Внезапно Рюн почувствовал укол ревности: эти чужие клану наги ещё смогут вернуться обратно, а он, который родился и вырос в этом доме, уже нет.

* * *

Тинахан тоже решил высказаться по поводу сложившейся ситуации. Он рассказал о своём договоре с Великим Храмом и добавил, что, по его мнению, странности Кейгона никак не отразятся на выполнении их общей миссии. Объяснил он свою точку зрения весьма в духе лекона – достаточно кратко и ёмко:

– А чего тут думать? Я для себя решил: буду работать, если этот нагоборец окажется нам полезен. А он, как видишь, уже собаку съел на всём, что касается нагов и Киборэна. И не только собаку, – немного подумав, добавил он. – Так что я в деле.

– Неужели вы считаете, что можно вот так просто ко всему относиться? Вам действительно нет дела до того, что происходит вокруг, пока это не касается непосредственно вас? – недоверчиво проговорил Пихён.

– Ну я, конечно, не претендую на звание самого умного лекона, но, по-моему, совать свой нос в чужие дела – тоже так себе привычка, – ответил Тинахан.

– Да и с чего бы мне должно быть дело до тех, кто завоевал чёртову половину мира, а потом с какой-то радости заявил, что теперь будет жить среди нас, – продолжил лекон. – Так что мне откровенно плевать, что там с нагами делает Кейгон: варит он их или жарит – пусть хоть в банки закатывает.

– Но ведь они такие же живые существа, как и мы. Как можно отрицать это?

– Ага, ещё скажи, что туокшини тоже люди. Вот ты чудной.

Пихён не знал, что ответить, он никогда не задумывался об этом.

– Разве людьми рождаются? – Тинахан потёр кончик клюва. – Человеком вот можно стать, если ты живёшь и ведёшь себя как человек. Наги не живут как люди, поэтому эти твари меня и не волнуют. И отношение Кейгона к ним я тоже считаю вполне справедливым. Тем более что он не ведёт себя как последний трус.

– Почему же это?

– Будь он трусом, он бы говорил нагам: «Я имею право вас проклинать, мучить, причинять вам боль и убивать, а вот у вас такого права нет». Он же наоборот всегда открыто говорит, что все наги тоже имеют право убить его. Это позиция смельчака.

– Может, его слова и звучат благородно, но на деле они означают, что он призывает всех нас начать убивать друг друга. Вам так не кажется?

– Убийство – это когда твой противник человек, – холодно ответил Тинахан.

От этих слов Пихёну совершенно не стало легче. И ведь действительно, можно ли было считать нагов людьми? Для Пихёна они ничем не отличались от любых других живых существ, остальные могли думать иначе. В этот момент в голову токкэби неожиданно пришла очень важная мысль: он должен отправиться в это путешествие, чтобы как можно больше узнать о нагах и, если получится, разобраться в причинах их вражды с Кейгоном.

Пихён с Тинаханом дали своё согласие отправиться в путь вместе с Кейгоном, на что тот лишь слегка кивнул головой и сразу принялся рассуждать об организационных моментах. Лекон с токкэби снова почувствовали себя не в своей тарелке. И дело было даже не в том, что им казалось, будто Кейгон специально выстраивал свою речь так, чтобы выставить их ничего не смыслящими глупцами. Напротив, в его словах даже чувствовалась некая забота и доброжелательное отношение. Главной причиной было то, что Тинахану с Пихёном показалось, будто Кейгон был таким добрым и замечательным лишь в той мере, в которой того требовала ситуация.

Кроме того, Кейгон давал им наставления, которые, казалось бы, полностью противоречили всякому здравому смыслу: чем жарче вокруг, тем более тёплой должна быть ваша одежда;

если покажется, что где-то поблизости появился наг, начинайте шуметь изо всех сил; если вас преследуют, убегайте как можно медленнее; если вы понимаете, что вас вот-вот могут обнаружить, забирайтесь на открытое место на любой возвышенности и так далее. На лицах Тинахана и Пихёна читалось откровенное недоумение, и Кейгону пришлось объяснить им всё ещё раз более подробно:

– Чем выше температура тела, тем нагам проще вас обнаружить. Толстый слой одежды поможет скрыть тепло от глаз нагов. Кроме того, наги не слышат звуки, поэтому, если вам покажется, что где-то рядом прячется наг, начинайте как можно сильнее шуметь, чтобы испугать находящихся поблизости диких зверей. Это позволит вам затеряться в большом количестве тёплых тел, разбегающихся в разные стороны. Если всё же попытаться убежать от нага, температура вашего тела быстро повысится, и вы станете лёгкой добычей. Именно поэтому старайтесь двигаться как можно медленнее. От любой возвышенности, расположенной под палящим солнцем, исходит тепло, поэтому существует большая вероятность, что наг просто не сможет различить вас на нагретой поверхности. Пихён и Тинахан уже были готовы рассмеяться от нелепости происходящего, и если бы Кейгон в конце своей речи добавил что-то вроде «вот это я завернул, да?» и хоть немного улыбнулся, они бы все вместе посмеялись над этим и потом уже нормально обсудили всё ещё раз за непринуждённой беседой. Однако Кейгон без всякой улыбки и шуток спокойно продолжал раздавать свои указания, чем окончательно сбил их с толку.

В принципе, в этом и проявлялась положительная черта характера Кейгона. Если требовалось, он мог долго и терпеливо объяснять что-либо до такой степени, что слушающий даже начинал испытывать неловкость за свой вопрос. При этом Кейгон был очень серьёзен и никогда не улыбался. Спустя несколько часов объяснений он закончил свою выездную лекцию со словами:

– Ну что, все всё поняли?

– Да-да, конечно! – поспешно закивали Тинахан с Пихёном, которые, по правде говоря, уже давно перепутали в голове все полученные знания.

На следующий день с наступлением сумерек отряд отправился в южную часть пустыни Пунтэн, оставив позади хозяина гостиницы, лицо которого выражало одновременно смесь ненависти и облегчения. Пихён и Кейгон оседлали жука, а Тинахан побежал следом.

Когда Пихён узнал, что Кейгон умеет обращаться с жуками, он был невероятно разочарован. Ему очень хотелось продемонстрировать человеку, как правильно нужно обращаться с ездовым насекомым. Однако Кейгон не стал спрашивать его совета и сразу же забрался на жука, где в один миг сообразил, каких частей тела можно было касаться, а каких – категорически нет. Оттуда он с недоумением наблюдал за Пихёном, который отчаянно пытался найти хоть какие-нибудь недостатки в его действиях. После неудачной попытки придраться к следопыту Пихён тоже поспешно забрался на жука и сел впереди Кейгона.

Трое путников пересекали ночную пустыню.

Если бы кто-нибудь увидел их издали, он бы наверняка был поражён внушительным видом этой картины, а главное, тем шумом, которым она сопровождалась. От крыльев жука исходил оглушительный звук, а за Тинаханом, который, словно вихрь, бежал по пустыне, следом тянулась небольших размеров песчаная буря. Со стороны казалось, будто по пустыне с рёвом несётся древнее чудовище, ещё неизвестное современной науке. Поистине удивительное создание с головой жука и песчаным телом. Но, несмотря на весь создаваемый шум, это были самые молчаливые путешественники, которых когда-либо принимала пустыня. Кейгон и Пихён не могли разговаривать из-за шума от взмахов крыльев жука, а Тинахан, бежавший вслед за ними, не смог бы ничего сказать, даже если бы захотел. Как бы парадоксально это ни

звучало, но это были одновременно самые шумные, и самые тихие путешественники за всю долгую историю существования пустыни Пунтэн.

Отряд Кейгона направлялся в Киборэн.

* * *

Хатенградж, город безмолвия и тишины, был оглушительно громким в своём молчании.

Даже сегодня, в самый важный день в жизни каждого молодого нага, город, как это было всегда с момента его возникновения, был погружён в абсолютную тишину. Не было слышно ни голосов, ни звуков, напоминающих пение. Повсюду раздавался лишь язык души – бесконечные потоки нирымов заполняли здания, разлетаясь по улицам и площадям. Молодые, взволнованные предстоящей церемонией наги изо всех сил старались не закрывать свои разумы, а сопровождающие их мужчины-наги прилагали все усилия, чтобы поддержать своих подопечных в столь трудное время. В данном случае молодых нагов смогли бы понять даже неверующие, разговаривающие с помощью голоса. Ведь даже обычному человеку будет некомфортно находиться на поле боя или в любом другом месте, где одновременно друг с другом перекривается огромное множество людей, если он сам в этот момент не будет делать то же самое. Впрочем, против толпы всегда очень трудно идти. Наги же используют нирым и потому куда более чутко реагируют на подобные вещи. Вот почему закрытый разум в скоплении множества других открытых разумов с их бесчисленным количеством нирымов считается очень вредным для психического состояния нагов.

Именно поэтому Рюн Фэй, который всё это время упрямо запирает свой разум, обессиленно упал на колени посреди дороги.

Сопровождающие Рюна остановились и в недоумении уставились на него. Другие наги, которые тоже направлялись в Башню Сердца, украдкой поглядывали на остановившуюся посреди дороги процессию. К счастью, среди сопровождающих оказался один старый и опытный наг, который быстро догадался, что к чему. Вместе с другими охранниками он поднял Рюна и аккуратно посадил его, прислонив к лестнице соседнего здания. Старый наг, которого звали Сбба, приказал остальным мужчинам заслонить их от окружающих и внимательно посмотрел на Рюна:

«Рюн? Ты в порядке? Очнись, это я, Соба».

Рюн вроде бы и смотрел на Собу, но создавалось впечатление, будто он ничего не видит. Соба внимательно всматривался в лицо Рюна и вдруг понял, что тот что-то бормочет. Сообразив, что его подопечный сейчас говорит что-то с помощью голоса, Соба на мгновение растерялся, но потом быстро взял себя в руки и сосредоточился на своём слухе. Прошло немало времени с тех пор, как он пользовался им в последний раз, поэтому ему удалось далеко не с первого раза расслышать слова Рюна.

– Нет... Я не могу пойти... Нет... – едва слышно бормотал он.

Собе казалось, что он понимает чувства Рюна. На его памяти уже встречались молодые наги, которые вели себя похожим образом перед Церемонией Извлечения. Однако ни один из них не выглядел столь уверенным в своих словах.

«Рюн, очнись! Всё будет хорошо. Ничего страшного не произойдёт».

– Я не хочу умирать... Не хочу! – снова голосом проговорил тот.

«Всё будет хорошо, ты не умрёшь. Ты просто извлечёшь своё сердце. Наоборот, ты станешь бессмертным. Ну же, успокойся, Рюн».

– Нет, я умру. Я умру, как и он. Я тоже, я тоже умру! – прокричал Рюн.

«Тот же? Был ли кто-нибудь в клане Фэй, с кем произошёл несчастный случай во время Церемонии Извлечения?» – подумал про себя Соба и вопросительно посмотрел на остальных сопровождающих, но никто так и не смог ответить ничего определённого. Мужчины не знали

всего, что происходило в клане. Снова взглянув на Рюна, Соба заметил, что тот крепко сжимал в руках сайко, закреплённый на его поясе. Испугавшись, что Рюн начнёт размахивать мечом, Соба крепко схватил его за плечо:

«Ты не умрёшь. Этого никогда не произойдет, Рюн. Но сейчас нужно вставать, иначе дела станут по-настоящему плохи, если ты не явишься на церемонию! По твоим венам будет течь горячая кровь, а значит, ты станешь жертвой для всех нагов-охотников».

– Нет, я не хочу! Я не буду этого делать! Никто не сможет забрать у меня моё сердце! Я хочу домой! Позвольте мне вернуться домой! – продолжал кричать Рюн.

Собу постепенно охватывало отчаяние, он не знал, как ему поступить в этой ситуации. Оглядываясь по сторонам в поисках хоть какой-то поддержки, он вдруг увидел знакомое лицо в толпе и громко прокричал в нирыме:

«Хварит! Послушник Хварит!»

Хварит шёл по дороге вместе с другими нагами, как вдруг в его разум неожиданно вторгся чей-то нирым. Кару и Свачи, которые сопровождали его, от неожиданности даже вытащили из ножен свои мечи. Они стали оглядываться по сторонам и вскоре заметили странное скопление нагов, столпившихся посреди дороги. За их спинами Хварит смог разглядеть своего друга, без сил сидевшего на земле.

«Рюн?»

Хварит хотел подойти к нему, но Свачи резко схватил его за руку. Сосредоточившись на разуме Хварита, он сказал:

«Нельзя. Это может быть ловушка».

Хварит был в растерянности, но всё же смог сконцентрироваться и переспросить: «Ловушка?»

«Возможно, наш план был разоблачён», – услышал он ответ Свачи.

«Рюн не имеет к этому никакого отношения! Разве это не вызовет ещё больше подозрений, если я не подойду к нему?»

Свачи покачал головой: слишком много нагов окружали Рюна. Но Хварит уже не увидел этого, так как стремительно направлялся в сторону делегации клана Фэй. Нахмурившись, Свачи и Кару всё же последовали за ним.

Их опасения развеялись, когда Соба послал им приветствие:

«Ты ведь друг Рюна? Сможешь его успокоить? Похоже, у него началась паника перед церемонией. Мы ведь его совсем не знаем».

Хварит кивнул и присел рядом с Рюном, но тот всё продолжал что-то невнятно бормотать, смотря на небо, будто его друга и вовсе не было рядом.

«Он что-то бормочет вслух», – пояснил Соба.

Только тогда до Хварита дошло, почему он никак не мог разобрать его слова. Он сосредоточился на своём слухе и вскоре услышал хриплый голос Рюна:

– Вернуться домой... Нет, только не домой! Я не могу туда вернуться! Мне теперь некуда идти. Я умру. Я... – сбивчиво шептал Рюн.

Хварит сразу понял, что состояние Рюна было очень серьёзным. Схватив его за плечи, он максимально сконцентрировался на нём и послал ему нирым, который, словно игла, пронзил сознание Рюна:

«Тидюсрюн Ларганд Фэй!»

Сопровождающие клана Фэй не смогли уловить этот нирым, так как он был направлен только Рюну. Но зато они смогли увидеть, как резко изменилось состояние их подопечного. Он несколько раз моргнул, а затем медленно повернулся к Хвариту. Попытавшись сфокусировать свой взгляд на друге, он тихо произнёс:

«Асхвариталь Сэфавиль Макероу?»

Находившиеся поблизости наги услышали ненаправленный нирым Рюна. Они были удивлены такому странному обращению, а Кару и Свачи и вовсе вздрогнули, услышав его полное имя, и быстро переглянулись, убедившись, что им не показалось. Хварит продолжал сжимать плечи Рюна и посылать свои мысли только ему:

«Всё хорошо, Рюн, очнись. Ты можешь встать? Хотя нет, забудь об этом. Будет лучше, если ты немного посидишь».

С трудом понимая, что Хварит использует сконцентрированный только на нём нирым, Рюн тоже попытался сосредоточить свой разум:

«Что со мной случилось? Где я?»

Хварит быстро огляделся.

«Ты перед дверью особняка клана Сэн. Позволь мне узнать, что с тобой случилось».

Хварит решил пока не поднимать тему о предстоящей церемонии и поэтому спросил его о другом:

«О чём ты думал?»

«Думал?» – Рюн ясно дал понять, что не хочет говорить об этом.

Увидев сайко, который тот всё ещё крепко сжимал в руке, Хварит задал вопрос, кивком указав на оружие:

«Это дар от твоего клана? Выглядит потрясающе. Мне вот достался только кинжал, который сгодится лишь для разрезания верёвок».

С абсолютно отсутствующим выражением лица Рюн медленно опустил взгляд на свой пояс, пока его глаза не остановились на сайко. Хвариту показалось, что в этот миг лицо Рюна немного изменилось, будто он что-то решил для себя. Через несколько мгновений, когда тот снова открыл свой разум, он был уже полностью спокоен:

«Я, наверное, выгляжу очень нелепо. Спасибо тебе за помощь, Хварит».

«Что? А, да не за что. Ты сможешь встать?»

«Да, если ты перестанешь сжимать моё плечо и наконец отпустишь меня. Мне уже больно».

Хварит выдавил из себя горькую улыбку и убрал руку с плеча друга. Рюн как ни в чём не бывало встал с земли, словно он только что споткнулся о камень и через пару секунд вновь замер на своём месте. Хварит проследил за его взглядом и понял, что тот смотрел на Башню Сердца.

Хварит легко похлопал друга по плечу. Словно очнувшись ото сна, Рюн с потухшим взглядом обернулся на него. Хварит не знал, что следует говорить в таких ситуациях, поэтому просто произнёс:

«Ну что, пойдём?»

«Что? Ах да, пойдём».

Рюн по-прежнему не сдвинулся с места. Хварит хотел бы остаться с ним ещё ненадолго, но он больше не мог игнорировать нетерпеливые взгляды Кару и Свачи.

«Тогда увидимся в башне. Ты же сможешь сам туда пойти, верно?»

«Конечно».

Вышло не очень убедительно, поэтому Рюн повторил ещё раз:

«Не беспокойся, я смогу пойти».

Сопровождающие Рюна не посчитали странным, что Хварит не стал провожать друга. Если бы у них было одинаковое количество сопровождающих, то всё было бы нормально. Но так как сопровождающих со стороны Рюна было значительно больше, могло создаться впечатление, будто одна сторона опекает другую. А для такого благородного дома, как клан Макероу, это было недопустимо. Были бы охранники Рюна чуть внимательнее, они бы заметили, что Хварита уже не особо волновала честь своей семьи, с которой он вот-вот навсегда расстанется.

Но реальность была такова, что сопровождающие Рюна предпочли просто поблагодарить Хварита за помощь и спокойно пошли вперёд за своим подопечным.

Хварит всё это время стоял на месте и с грустью смотрел вслед уходящему другу. Что-то подсказывало ему, что нужно было идти вместе с ним и попытаться успокоить его, но разум кричал о том, что правильным будет остаться вместе с Кару и Свачи. Кару подошёл к Хвариту и разочарованно покачал головой:

«Похоже, что твой визит десятидневной давности мало помог ему. Я слышал о волнении перед церемонией, но никогда не встречал такой серьёзный случай. Главное, чтобы это не кончилось ничем опасным для него и для всех нас в том числе».

«Хранители позаботятся о нём».

«Я надеюсь на это. Кстати, я заметил, что у него с собой довольно большой меч. Если он задумал что-то, всё может очень плохо обернуться для него».

Хварит больше не хотел говорить о Рюне.

«Итак, давай лучше вернёмся к нашему предыдущему разговору. Как я узнаю, что это река Мурун?»

«Не беспокойся об этом, её трудно с чем-либо спутать. Если ты пойдёшь на север и увидишь там настолько широкую реку, что не сможешь разглядеть её противоположный берег, можешь быть уверен – перед тобой река Мурун. Трудно пройти мимо и не заметить её».

«Но ведь я могу спутать её с морем или озером».

«Просто внимательно присмотришься к воде: если там будет течение, а вода в ней покажется тебе несолёной на вкус, значит, ты оказался на месте. Дальше просто продолжай идти вверх по течению. Ничего сложного».

Затем Свачи и Кару снова сменили тему и стали разговаривать об охоте. Если коротко резюмировать всё то, что они наперебой пытались рассказать Хвариту, то получится примерно следующее: «Существует почти нулевая вероятность того, что наг может умереть от голода в Киборэне. Если только он ещё совсем новичок и ничего не смыслит в охоте. При этом нельзя забывать о том, что наг без сердца не может погибнуть по причине несчастного случая. Нужно всегда быть начеку и действовать быстро». В подтверждение своих слов взволнованный Кару решил удивить Хварита невероятной историей о своей первой охоте, когда кабан на своём бивне протаскил его почти через весь лес, после чего охотник всё равно смог задушить его. Если бы Хварит представлял себе, как выглядит кабан, а точнее размеры его шеи, которую невозможно было даже обхватить руками, он бы рассмеялся и ни за что не поверил в его рассказ.

«Спасибо».

Кару, который всё это время был увлечён описанием дикого кабана, представляя его как дракона или монстра, с которым ему посчастливилось вступить в схватку, на мгновение замолчал и посмотрел на Хварита.

«Спасибо вам», – ещё раз поблагодарил их Хварит.

Кару хотел было уточнить, правильно ли он понял, за что их только что поблагодарили, но потом быстро передумал и, улыбнувшись, произнёс:

«Ну что, пойдём? Пора достать твоё сердце».

Свачи тоже ответил ему улыбкой. Хварит больше ничего не сказал и молча пошёл по дороге, по которой не так давно ушёл его друг.

Как только Рюн Фэй попрощался со своими сопровождающими и вошёл в Башню Сердца, окончательное решение само пришло к нему в голову. Он понял, что нужно немедленно бежать отсюда. В глубине души наг знал, что был готов к этому ещё задолго до прибытия в Башню. Всё стало понятно ещё в тот день, когда ему было одиннадцать лет.

Приняв решение, он почувствовал, будто последние годы его жизни незаметно растворились в воздухе, и он снова стал тем маленьким одиннадцатилетним мальчиком. Какое-то время Рюн провёл в зале на первом этаже, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, а затем резко сорвался и побежал в сторону коридора. Все присутствующие наги проводили его недоумевающими взглядами.

Рюн не знал, когда его должны были забрать хранители, поэтому сбегать прямо сейчас было не самым умным решением. Однако он сумел скрыться в коридорах ещё до того, как кто-либо из нагов в зале успел окликнуть его. Конечно же, очевидцы были, мягко говоря, удивлены выходкой молодого нага, но так как им тоже было запрещено покидать пределы зала, никто так и не посмел сдвинуться с места.

Пока Рюн бежал по коридору, он думал только об одном: ему срочно нужно найти выход. Он не мог просто выйти через главные ворота, так как было трудно предсказать, как поведут себя наги, увидев Рюна, у которого всё ещё при себе было сердце. Больше нельзя было рассчитывать на защиту клана. Охранники Рюна не были заинтересованы в нагинях, которые скоро начнут выходить из Башни после окончания церемонии, поэтому, скорее всего, уже вернулись в особняк семейства. И даже если кто-то из них и остался, вряд ли он бы стал защищать Рюна, который сбежал с церемонии просто потому, что решил оставить сердце себе.

Подумав о своём сердце, Рюн вздрогнул и остановился посреди коридора.

Он осторожно положил руку на грудь и почувствовал, как сильно оно бьётся внутри, и на мгновение его охватил ужас. Пока в его нынешнем положении не было ничего серьёзного – даже если хранители Башни и заметят его сейчас, они просто подумают, что он заблудился. Но если его обнаружат при очевидной попытке побега, его непременно заставят пройти весь обряд извлечения от начала до самого конца. Этого ему нужно было избежать любой ценой.

К счастью для себя, Рюн неплохо знал внутреннее устройство Башни и примерно представлял, куда ему нужно было двигаться дальше.

Оглянувшись по сторонам, он понял, что находится около восточной лестницы. Вспомнив, что она ведёт к галерее, хранилищу и специальной библиотеке, Рюн с облегчением подумал, что все эти места никак не связаны с прохождением ритуала.

Успокоив себя тем, что все хранители должны быть заняты подготовкой к церемонии, Рюн собрался с духом и поспешил к восточной лестнице.

Когда молодой наг добрался до выставочного зала и хранилища на втором этаже, его ждало разочарование: хранители заперли все двери. Хоть Рюн и был готов к такому раскладу, он всё равно почувствовал необъяснимый страх: будто хранители знали, что он придёт сюда, и заранее заперли все двери. Поднимаясь на третий этаж, он никак не мог унять беспокойное сердце – хотя специальная библиотека всегда была открыта, там всё ещё должен был быть библиотекарь.

Оказавшись на третьем этаже, Рюн был приятно удивлён, когда обнаружил, что место библиотекаря у входа пустовало. Не чувствуя никакого подвоха, он уверенно толкнул дверь, как вдруг его посетила мысль, что библиотекарь мог просто зайти внутрь. Страх осознания вмиг сковал всё тело, и наг тут же застыл на месте. К счастью, помещение оказалось совершенно пустым.

Рюн быстро зашёл внутрь и сразу закрыл за собой дверь. В тот момент его не заботило, сколько шума он создаёт, – важно было как можно быстрее оказаться подальше от Церемонии Извлечения. Дверь захлопнулась за ним с таким грохотом, будто разлетелась на части.

Войдя в зал Башни Сердца, где уже собралось множество молодых нагов, Хварит почувствовал, как по телу начинает разливаться волнение. Он был немного напуган столь большим скоплением незнакомых нагов, ведь за всю свою жизнь он бывал лишь в трёх местах: у себя

дома, в Башне Сердца и в гостях у Рюна. Конечно же, он видел других нагов на улице, но с ним всегда были сопровождающие. Сейчас же он был совершенно один.

Хварит подумал о том, что остальные, должно быть, тоже чувствовали себя не в своей тарелке. Ему даже в некоторой степени повезло больше, чем другим, – он был послушником и потому хорошо знал это место.

Но, окинув взглядом зал ещё раз, Хварит понял, что думает о них лучше, чем они того заслуживают. Девушки-нагини были поглощены разговорами с молодыми нагами, обещающими навестить их после церемонии, и выглядели так, будто их совершенно не беспокоило, где они находятся. Остальные мужчины хоть и постеснялись общества девушек, но зато охотно обсуждали тех, кто уже достиг детородного возраста и к какому клану лучше всего присоединиться в будущем.

Подобные разговоры не вызвали у Хварита никакого интереса, поэтому, не вступая ни с кем в беседу, он спокойно направился в другой конец зала. По пути он слышал, как наги то и дело обсуждали семью Фэй. Хварит горько ухмыльнулся. Немногие из них рискнут отправиться в клан сразу после прохождения церемонии. Иначе они имеют все шансы прослыть глупыми мальчишками. Не стоит недооценивать слухи об упадке мужских сил сразу после завершения ритуала. Впрочем, большинство из них вскоре сами убедятся в правдивости «проклятья» и добровольно покинут Хатенградж, чтобы начать скитаться по его округе. И тогда ожидания всех этих милых девиц в конечном счёте обернутся для них лишь очередным разочарованием. На этой ноте Хварит оставил нагов наедине с их разговорами и решил отправиться на поиски Рюна.

«Хварит Макероу», – неожиданно кто-то позвал его.

Повернув голову в ту сторону, откуда в его сознание проник нирым, Хварит не смог скрыть своего удивления. В тени коридора, ведущего из зала, стоял хранитель. Хвариту показалось странным, что к нему обратились по имени, но он всё же решил вежливо промолчать.

«Следуй за мной», – снова повторил голос.

Хранитель, лицо которого Хварит не смог разглядеть из-за капюшона, использовал особую обезличенную форму нирыма. Такой нирым был лишён всех индивидуальных качеств и использовался лишь в особых случаях для передачи исключительно смысла, так как по нему невозможно было определить личность говорящего посредством интонации или тембра голоса, как это может быть у людей.

«Прошу простить меня, но я жду начала церемонии», – Хварит хоть и чувствовал себя некомфортно, но по-прежнему старался отвечать вежливо.

«Отвечай обезличенной формой, чтобы не привлекать внимания, – сухо отрезал хранитель. Прямо перед твоим приходом сбежал Рюн Фэй».

«Сбежал?» – Несмотря на то что Хварит был невероятно удивлён, он всё же послушался и обезличил свой нирым.

«Да. Он заперся в специальной библиотеке. Похоже, он сильно напуган. Я думаю, тебе стоит пойти и попытаться успокоить его».

Поскольку они переговаривались в обезличенной форме, никто не обратил на них внимания. Хварит осторожно сделал несколько шагов, после чего наконец понял, почему хранитель использовал нирым именно так. В отличие от Рюна, который со всех ног выбежал из зала и привлёк к себе всеобщее внимание, Хвариту удалось выйти из зала незамеченным. В коридоре его встретил хранитель, после чего они быстрым шагом направились к восточной лестнице.

«Он никому не причинил вреда?» – спросил Хварит, следуя за ним.

«Пока нет, но кто знает, что может произойти, если мы опоздаем».

Рюн Фэй чувствовал, что сходит с ума, глядя на лежащий перед ним труп.

Как правило, наг без сердца не может погибнуть от несчастного случая. Такие наги не болеют, и даже если они лишаются части тела, то способны довольно быстро восстановить её. Но даже так их всё равно нельзя назвать абсолютно бессмертными. Если тело нага разрубить на множество кусков, например, так, как это сделали с телом, которое лежало перед Рюном, то даже у нага без сердца нет шансов выжить.

Среди частей тела всё еще просматривались очертания нага. На трясущихся ногах Рюн подошёл ближе и, окружённый кровавым месивом, опустился на колени.

«Простите, что вы сказали?» – раздался дрожащий от волнения нирым Рюна.

«Верни... это», – снова послышался слабый нирым откуда-то из кусков тела.

Рюн дрожащей рукой дотронулся до головы, которая лежала немного поодаль. Она покачнулась, словно хотела самостоятельно подняться с пола, но так и осталась лежать в том же положении. Рюн зажмурился и приподнял отрубленную голову, чтобы поставить её вертикально.

Один глаз полностью отсутствовал, а второй был сильно повреждён, но при этом голова смотрела прямо на Рюна. Рюн уже был готов упасть в обморок, как вдруг раздался слабый нирым:

«Ларганд? Это ты?»

Услышав своё божественное имя, Рюн вздрогнул и снова уставился на голову. Сцена была поистине ужасающей, но с большим трудом ему всё же удалось вспомнить имя нага, которого он когда-то знал.

«Ювэк, это вы?» – Рюну показалось, что в теле перед собой он узнал библиотекаря по имени Ювэк.

Ювэк попытался кивнуть. Но, конечно же, это была довольно бессмысленная затея: если вы обезглавлены, вы не можете кивать головой. Было видно, что это открытие привело Ювэка в замешательство, но он лишь слабо произнёс:

«Но... как ты сюда попал?»

«Я... я здесь из-за церемонии...» – неуверенно пробормотал Рюн.

«Но как ты проник в специальную библиотеку? Не припомню, чтобы я впускал тебя сюда...»

Похоже, отсутствие головы сильно сказывалось на состоянии Ювэка. Даже во время разговора его нирым был очень неясным. Впрочем, было бы странно ожидать, что нирым останется в том же состоянии, в то время как его обладатель находился на грани смерти. Забывшись, Рюн чуть было не схватил голову, чтобы встряхнуть её, но вовремя одёрнул руки.

«Кто сделал это с вами?» – обеспокоенно спросил он.

Ювэк рассеяно смотрел на Рюна, как вдруг что-то вспомнил и невнятно проговорил:

«На меня напали... Ларганд... я же не м... мёртв?»

«Кто это сделал? Кто сделал это с вами?» – почти срываясь на крик, повторил Рюн.

Ювэк ничего не ответил, а выражение его лица стало спокойным. Рюн подумал, что теперь библиотекарь действительно умер, и когда уже потихоньку начал вставать с пола, из головы Ювэка снова послышался слабый нирым:

«Макероу...» – напоследок прошептал Ювэк.

Рюн почувствовал, будто его ударили током. Макероу? Но зачем Хвариту убивать библиотекаря и прятать его тело за книжными полками? Рюн снова опустился на колени и, сосредоточившись, направил нирым прямо в голову Ювэка.

Почувствовав смутное движение разума, Рюн приготовился принимать новый нирым, как вдруг понял, что улавливаемый им сигнал исходит не от Ювэка.

Кто-то направлялся в специальную библиотеку.

Сердце Рюна пропустило удар, и по телу снова разлилось липкое чувство страха.

Рюн ещё раз посмотрел на тело библиотекаря, которого постигла такая страшная участь. Из-за разрастающегося чувства паники он не смог придумать, куда можно было быстро спря-

таться, и решил остаться рядом с Ювэком. Место было достаточно скрыто от глаз, и если бы не слабый нирым библиотекаря, Рюн ни за что бы не нашёл его тело. Как только он спрятался за книжной полкой, дверь библиотеки распахнулась.

Раздался до боли знакомый и родной нирым:

«Рюн! Рюн Фэй!»

Это был нирым Хварита. Рюну очень хотелось встать и выйти к другу, но он понимал, что сейчас это невозможно. Кроме того, в голове предательски крутились последние слова Ювэка. Рюн вернулся на своё место и вытащил одну из книг из плотных рядов на полке, чтобы можно было наблюдать за тем, что происходит у двери.

Когда он увидел Хварита в дверном проёме, ему снова отчаянно захотелось покинуть своё укрытие и кинуться к другу. К счастью, Рюн вовремя заметил за его спиной фигуру хранителя и успел вернуться на прежнее место. Капюшон скрывал от Рюна лицо хранителя, но даже самого вида одежды было достаточно, чтобы чувство страха вновь встрепенулось в нём. Окончательно испугавшись, Рюн наглухо закрыл свой разум.

После чего случилось страшное.

Хранитель, который всё это время оставался за спиной Хварита, незаметно подошёл к книжной полке у двери и аккуратно взял с неё окровавленный сайко, похожий на тот, что был у Рюна. Молодой наг был не в силах пошевелиться, страх словно сковал всё его тело, в то время как хранитель уже медленно возвращался к послушнику.

Затем он поднял меч и одним ударом вонзил его в спину Хварита.

Рюн закричал, но его крик лишь эхом отозвался внутри него. Сам того не осознавая, он умудрился сохранить свой разум закрытым. Клинок был настолько острым, что Хварит даже не сразу понял, что произошло и почему он лежит на полу, издавая бессильные стоны. Кровь сочилась из раны на спине. У Хварита ещё было сердце, а значит, он был уязвим. Хранитель отступил в сторону, чтобы не запачкаться кровью.

«Зачем?..» – послышался слабый нирым Хварита, лежащего вниз головой. Хранитель ухмыльнулся и пнул раненое тело, заставляя перевернуться на спину и посмотреть на своего убийцу. После чего хранитель приблизился к послушнику и медленно снял капюшон.

«Виас!» – одновременно про себя воскликнули Хварит и Рюн.

«Да, это я, мой глупый братец». – Лицо Виас исказила уродливая улыбка.

«Как банально. Я-то думал, вы используете яд... А вы выбрали такой простой способ...» – задыхаясь, процедил Хварит.

«Чем проще, тем лучше. Полезное выражение, можешь запомнить его на всю жизнь. Или сколько тебе там осталось», – язвительно ответила она.

«Пожалуй, я не буду добивать тебя, как твоего предшественника», – с удовольствием наблюдая за истекающим кровью Хваритом, добавила Виас.

Хварит дёрнулся.

«Рюн? – Хварит попытался приподняться. – Только не говорите, что и Рюн тоже...»

«Нет, я говорю об этом упрямом библиотекаре Ювэке. Я сказала ему, что мне нужны книги по медицине, и он был так любезен, что тут же согласился мне помочь».

«Что тогда с Рюном?» – настаивал Хварит.

«Как я и говорила, он сбежал. Пока я ждала тебя, он выбежал из зала. Скорее всего, блуждает где-то в коридорах башни, за него не волнуйся», – ответила Виас.

Хвариту даже показалось, что Виас проявляет некое подобие заботы. Покончив с приступом любезности, она снова потянулась к полке, вытащила большой кусок пергамента, положила его на стол и завернула в него свой сайко. Затем она сняла одеяние хранителя и вывернула его наизнанку. Одним движением руки оно превратилось в обычную одежду, которую надевают учёные наги, перед тем как выйти на улицу.

В обычной одежде с пергаментным свертком в руках Виас снова выглядела как известный алхимик. Рюну, который наблюдал за происходящим из своего укрытия, казалось, что всё это часть какого-то заклинания, чары которого скоро развеются, и всё встанет на свои места. Точно так же хотелось думать и Хвариту, который продолжал истекать кровью на холодном полу.

«Твоя кровь такая прекрасная, Хварит. Не думаю, что когда-нибудь смогу её забыть», – с ехидной улыбкой произнесла Виас.

«Ты... ты точно выжила из ума, сестрица», – с отвращением ответил ей Хварит.

«Ну насчёт себя сказать не ручаюсь, а вот тебя, похоже, с этого света удалось выжить. Прошу заметить, что это не я тут лежу в луже собственной крови».

С этими словами Виас резко нагнулась к Хвариту. Наблюдая за этим, Рюн вскрикнул от неожиданности, но Виас не услышала его и поцеловала Хварита в губы.

«Да отвали ты от меня!» – испуганно закричал он.

Виас проигнорировала просьбу брата и отстранилась от него лишь спустя несколько мгновений. Поднявшись, она облизнула губы, изящно улыбнулась и ехидно проговорила: «Прощай, дорогой брат», – после чего открыла дверь и покинула библиотеку.

Хварит проклинал Виас за то, что она оставила его умирать в луже собственной крови, а не прикончила, как того библиотекаря. Похоже, этого она и добивалась – хотела, чтобы он корчился от боли в ожидании неминуемой гибели. До сих пор он мог только догадываться о её истинной сущности, но теперь же Хварит мог с уверенностью сказать, что Виас совершенно точно сошла с ума.

«Я не хочу умирать... Прошу вас, кто-нибудь! Помогите мне! Пожалуйста!» – отчаянно пытался передать свой нирым Хварит.

Но из-за ужасной боли он не мог как следует сосредоточиться. Хварит понял, что не может послать нирым даже на небольшое расстояние, не говоря уж о том, чтобы передать его на всю Башню Сердца. Можно было бы попробовать использовать голос, но это тоже скорее всего не сработает. Вряд ли у него хватит сил закричать, да и наги практически не восприимчивы к звукам.

«Помогите! Помогите мне! Я умираю! Кто-нибудь!» – снова попытался сконцентрироваться Хварит.

Но всё было тщетно, и чем больше он пытался сосредоточить свой разум, тем сильнее усиливалась боль. Силы покидали Хварита, а разум становился всё слабее...

Вдруг поблизости почувствовалось чьё-то присутствие.

Хварит попытался поднять голову и посмотреть вперёд, но не смог ничего увидеть. Только тогда он понял, что плачет. Серебристые слёзы нагов, в отличие от слёз неверующих, не были прозрачными и полностью застилали глаза.

«Здесь кто-то есть? Помогите мне, пожалуйста, спасите меня!» – кричал раненый наг в серебристом тумане слёз.

«Хварит, это я, Рюн», – разрезал тишину нирым Рюна.

«Рюн? Это правда ты?» – Хварит смахнул слёзы дрожащими руками, после чего серебристая пелена рассеялась, и он увидел взволнованное лицо друга.

«Прости. Мне очень жаль. Я слишком долго скрывал свой разум. Я был так напуган, что даже не мог пошевелиться. Только сейчас, только теперь я смог подойти к тебе. Я не смог остановить её. Я мог бы помешать ей. Прости. Я был таким глупым. Я не смог спасти тебя!» – сбивчиво тараторил Рюн.

Хварит не понимал, что пытался сказать ему Рюн. Но спрашивать об этом не было нужды: мысли Рюна, которые он сдерживал до этого момента, ураганом ворвались в разум Хварита. Почувствовав, что сознание Рюна полностью открыто для него, даже самые потаённые его уголки, в которые никто не мог получить доступ, Хварит тяжело задыхался.

Он увидел всё: почему Рюн сбежал, что он видел и что слышал. Сознание Рюна было переполнено виной и отчаянием из-за того, что он не мог спасти Хварита, будучи парализованным страхом. Хварит не стал винить друга. Ведь за него отвечали не слова или мысли, это было само воплощение чистого разума, которое полностью открылось для Хварита.

И он всё понял.

Было ещё кое-что. Из-за пережитого стресса Рюн не осознавал, что он только что увидел и услышал, но Хвариту всё же удалось узнать, как именно Виас спланировала убийство. Перед глазами возник образ тела Ювэка, и ему снова стало не по себе от жестокости своей сестры.

В этот момент возникло какое-то странное и леденящее душу чувство. Разум Рюна был полностью открыт, благодаря этому Хварит смог не только прочесть все мысли своего друга, но и взглянуть на произошедшие события его глазами. «*Так вот откуда это странное ощущение*», – наконец догадался Хварит – он только что увидел своё окровавленное тело в сознании Рюна. Но вместо того чтобы впасть в панику, Хварит наоборот почувствовал спокойствие и решимость к дальнейшим действиям. Испытав на себе тот страх и отчаяние, через которые пришлось пройти Рюну, Хварит решил, что теперь настало время защитить своего друга и взять ситуацию в свои руки. И пусть с таким ранением ему оставалось не так много времени, теперь у него появилась причина, чтобы жить и бороться до самого конца.

«Рюн, слушай меня очень внимательно», – произнёс он, полный решимости.

«Хварит, мне очень жаль. Это моя вина. Я должен был остановить её. Я не знаю, почему я не смог, я...» – снова стал оправдываться Рюн.

«Тидюсрюн Ларганд Фэй!» – резко одёрнул его Хварит.

Рюн вздрогнул и, кажется, стал понемногу приходить в себя. Вместе с тем стало возвращаться и липкое чувство страха, ведь сейчас внутри его сознания Хварит смотрел на себя со стороны, на своё расплывчатое на полу тело.

До этого момента Рюн находился в состоянии шока и не совсем понимал, что происходит вокруг. Теперь же, когда ощущение реальности стало вновь возвращаться к нему, он почувствовал, что его сознание больше не принадлежало только ему одному. Рюн хорошо понимал, как могут взаимодействовать разумы при использовании нирыма, но теперь, когда сам угодил в такую ситуацию, понял, что оказался совершенно не готов к тому, чтобы испытать это на себе. Хварит не мог позволить Рюну снова впасть в панику и попытаться силой взять контроль над его разумом.

И хотя управление чужим сознанием можно было бы представить только в мире магии, у нагов было возможно и не такое. К тому же разум Рюна совсем не оказывал сопротивления, что помогло Хвариту легко и без лишней боли завершить задуманное. В результате Рюн почувствовал лишь, как мучительная боль кольцом сдавила голову, а от бывшего страха не осталось и следа.

«Что за...» – простонал от боли Рюн.

«Я тоже не мог представить, что такое возможно. Но предлагаю обсудить это в более приятной обстановке, сейчас у нас слишком мало времени. Слушай меня внимательно, Тидюсрюн Ларганд Фэй», – Хварит намеренно использовал полное имя Рюна. «Скорее всего, я умру, но ты не должен винить себя в этом. Повторяй за мной», – твёрдо сказал Хварит и начал проворачивать нечто невероятное.

Продолжая внушать Рюну, что тот не в ответе за случившееся, он вместе с тем начал посылать второй поток нирыма. Получилось что-то вроде параллельного гипноза – Рюн одновременно воспринимал сразу два нирыма от одного говорящего:

«Ты не несёшь ответственность за мою смерть, Тидюсрюн Ларганд Фэй.
Ты ничего не мог сделать. Не в твоих силах было это изменить. Я знаю, что ты хотел помочь мне, и я очень благодарен тебе за это. Ты не виновен в моей

смерти. Не ты убил меня. Меня убила Виас Макероу. Здесь нет твоей вины. Ты не виноват, слышишь?»

«Слушай меня внимательно Тидюсрюн Ларганд Фэй. Есть кое-что, что ты должен во что бы то ни стало сделать для меня. Для Виас сегодня умер её ненавистный брат, но случилось нечто куда более страшное: она помешала мне исполнить моё предназначение. Даже если она отняла у меня жизнь, мой долг должен быть выполнен. Поэтому у меня есть к тебе просьба: ты должен выполнить моё предназначение за меня. Это моё последнее желание».

Меньше всего на свете Хварит хотел, чтобы Рюн винил себя в его смерти.

«Просьба... о какой просьбе ты говоришь?» – всё ещё не веря в происходящее, спросил Рюн.

Убедившись в том, что чувство вины Рюна удалось полностью подавить, Хварит снова начал использовать один поток нирыма:

«Отправляйся на север, пока не дойдёшь до широкой реки под названием Мурун. Там ты встретишься с тремя неверующими».

«С неверующими?!» – воскликнул Рюн.

«Да. Токкэби, лекон и человек будут сопровождать тебя на протяжении всего пути. Песня станет твоим опознавательным знаком. Только так вы сможете найти друг друга», – не принимающим возражений тоном продолжил Хварит.

Он снова разделил свой разум на две части и передал Рюну песню, которую выучил.

«Это послужит сигналом. Только так неверующие смогут найти тебя и перевести через границу. Возьми мой рюкзак. – Хвариту становилось всё труднее говорить. – Внутри лежат вещи, которые тебе пригодятся. В Великом Храме Хаинса тебя будет ждать монах по имени Чутхаги. Он расскажет тебе, что делать дальше».

Рюн в растерянности смотрел на Хварита, который только и смог, что выдавить из себя бессильную улыбку.

«Да, тот искренний и правильный моралист Хварит, которого ты знал, оказался заговорщиком. Хорошо я сыграл, правда?» – вновь улыбнулся он.

«И всё это ради людей... Но почему, Хварит?» – не веря в происходящее, произнёс Рюн.

«Пойми, Рюн. Это всё не только ради людей, но и ради всех нас. У меня не так много времени, но я попробую объяснить тебе. Помнишь, ты говорил, что настоящий враг находится не по ту сторону границы, а среди нас, в Башне Сердца? Это ведь как-то связано с тем, что случилось с твоим отцом Ёсби, не так ли?» – На самом деле. Хварит уже успел прочесть это в мыслях Рюна. – «К сожалению, ты оказался прав. Настоящий враг действительно находится в Башне Сердца».

«Настоящий враг?..» – удивлённо спросил Рюн.

«Да, и чтобы одолеть его, тебе предстоит объединиться с неверующими. Теперь исход всей миссии зависит только от тебя».

«От меня? А я-то тут при чём?» – искренне не понимал Рюн.

«Потому что ты – Тидюсрюн Ларганд Фэй», – Хварит ещё раз произнёс божественное имя Рюна.

Рюн неотрывно смотрел на Хварита. Из-за боли у него снова стали наворачиваться серебристые слёзы, но он всеми силами старался удержать едва уловимую улыбку на искажённом от страданий лице.

«Только хранителю или послушнику под силу справиться с этим. Лишь жених Богини сможет осуществить моё предназначение. Не нужно врать мне, что ты не являешься таковым, Тидюсрюн Ларганд Фэй. Мне всегда было любопытно, почему ты отказался от этой роли. Но теперь я знаю: всему виной тот случай с Ёсби».

Рюн не удивился, что Хварит знал о случившемся с его отцом. Сейчас у него просто-напросто не было сил думать о том, откуда Хварит мог узнать об этом.

«Моего отца убили... хранители», – словно для самого себя проговорил он.

«Да, я знаю. И поэтому ты бросил своё обучение», – мягко ответил ему Хварит.

«Да, всё так. Я больше не мог там оставаться». – Было заметно, как тяжело дались Рюну эти слова.

«Я понимаю тебя. Но всё же ты был послушником, а значит, тебя наделили божественным именем. Ларганд и есть одно из имён Богини, которая не оставляет следов. Неважно, послушник ты сейчас или нет, Богиня даровала тебе своё имя, чтобы ты мог призвать её. Только это имеет значение». – Хварит говорил честно и прямо, не оставляя шансов на сомнения.

«Это правда?» – пытался осмыслить услышанное Рюн.

«Да. Если бы ты продолжил обучение, ты бы тоже знал об этом. Ты можешь призвать Богиню, так как она наделила тебя этим именем. То, что тебе предстоит сделать в Великом Храме, имеет к этому прямое отношение. Вот почему я сказал, что теперь только тебе под силу справиться с этим. К тому же... – Хварит поморщился от боли, но сумел закончить свою мысль: – ...ты мой друг. Я бы не смог найти кого-то ещё, кому бы доверился в этой ситуации. Я действительно счастлив, что в моей жизни был такой друг, как ты».

Глаза Рюна засияли серебром. Когда он попытался аккуратно смахнуть слёзы с глаз Хварита, то понял, что слёзы текли из его собственных глаз.

«Теперь иди», – из последних сил проговорил Хварит.

«Нет, Хварит, ты должен пойти со мной. Ты обязательно поправишься. Я найду кого-нибудь, кто сможет тебе помочь», – с возрастающим волнением в голосе проговорил Рюн.

«Ничего не выйдет», – снова с горькой улыбкой ответил Хварит.

Было очевидно, что звать кого-то уже не имело смысла, так как ранение было слишком серьёзным, но Рюн воспринял это как запрет, ведь теперь в башне нельзя было никому доверять. До сих пор разум Рюна был открыт, поэтому Хварит с лёгкостью увидел это в его мыслях, но не стал ничего объяснять. Он слишком устал.

«Иди же, Тидюсрюн Ларганд Фэй!» – собрав остатки сил, Хварит в последний раз попытался повлиять на разум Рюна.

Рюну ничего не оставалось, кроме как быстро подняться на ноги и побежать в сторону двери.

Оставшись в одиночестве, Хварит глубоко вдохнул. Он больше не чувствовал боли в спине. Холод постепенно окутывал всё его тело, принося ему столь долгожданный покой.

Хварит понимал, что в некотором смысле использовал Рюна. Но сейчас предназначение всей его жизни уже больше ничего не значило для него. Хварит не будет разочарован, если у Рюна ничего не выйдет. Ведь он никогда не узнает об этом.

Всё, чего ему хотелось – это придать смысл своей жизни и, возможно, хоть как-то оправдать свою смерть. Ему хотелось убедиться, что он всё сделал правильно. Для него было важно сохранить своё достоинство, находясь на пороге смерти.

Теперь от страха не осталось и следа, и Хварит мог смело в последний раз призвать свою Богиню.

– Сефавиль, моя Богиня, – раздался тихий голос послушника в опустевшей библиотеке.

Хварит почувствовал, как что-то мелькнуло перед глазами. Казалось, что слёзы вновь навернулись на глаза.

Но Хварит всё понял и в последний раз улыбнулся сияющему очертанию, спускающемуся к нему прямо с небес.

После всех ужасающих событий дня церемонии нечто не менее интересное происходило в глубинах Башни Сердца, точнее, на её верхних этажах.

Обычно тайные места располагались глубоко под землёй, но и тут наги сумели выделиться. В случае с Башней Сердца чем выше было что-то расположено, тем легче было это спрятать от посторонних глаз. Вряд ли кому-то в здравом уме пришла бы мысль просто так прогуляться по нескольким тысячам ступенек. Именно поэтому тайная встреча трёх нагов проходила в небольшой комнате на пятьдесят пятом этаже, ведь туда, даже если сильно захотеть, было не так уж просто добраться.

«Обряда восхождения» оказались достойны только двое из присутствующих, так как комната на этом этаже принадлежала третьему нагу. Не обязательно хорошо знать традиции, культуру и историю нагов, чтобы догадаться, насколько уважаемым должен быть наг, живущий в таком месте. Достаточно того, что силы его авторитета вполне хватало, чтобы заставить гостя подняться на такую высоту.

Владелец покоев по имени Сэрим был одним из величайших и самых уважаемых хранителей Хатенграджа. Комната на пятьдесят пятом этаже Башни Сердца как нельзя лучше подчеркивали статус и высоту занимаемой им должности. Прошло уже более десяти лет с тех пор, как он в последний раз спускался на нижние этажи. Его вполне устраивало пить дождевую воду и питаться тушами коз, овец, телят и оленей, которых ему раз в месяц приносили не очень радостные хранители. Сэрим был поистине уважаемым хранителем. Настолько, что даже его своеобразный образ жизни никак не отражался на его величии.

Однако сейчас повод для встречи был не самым радостным, и великий Сэрим был вынужден встречать гостей с самым обеспокоенным выражением лица.

Оба гостя тоже чувствовали себя, мягко говоря, растерянными. Ведь, поднявшись сюда, даже самый оптимистичный в мире человек непременно пал бы духом. На деле же настоящие причины для беспокойства были куда серьёзнее.

Свачи, на лице которого читалась неприкрытая тревога, продолжил докладывать о причине визита:

«Нам сообщили, что в лесу были обнаружены одежда и книги. По словам разведчиков, они были пропитаны водой. Молодой убийца поместил мокрые книги у себя на груди, прямо над сердцем, а также надел мокрую одежду, чтобы не выделяться среди других нагов, успешно завершивших ритуал. После чего, даже будучи со своим сердцем, ему удалось покинуть Башню Сердца незамеченным».

Выслушав донесение, Сэрим посмотрел на Свачи:

«Но тебя ведь беспокоит что-то ещё в этой ситуации, верно?»

«Да, всё это слишком странно. Мы с Кару лично видели, как сильно Рюн Фэй беспокоился по поводу ритуала, так что что-то тут всё равно не сходится», – стоявший рядом со Свачи Кару кивнул в знак согласия.

«Поясните», – проговорил Сэрим.

«Позвольте сначала поподробнее остановиться на официальной версии произошедшего. Практически сразу после своего появления в Башне Сердца Рюн покинул зал на первом этаже. Свидетели могут подтвердить, что он был очень растерян, словно был напуган чем-то. Вскоре в зал вошёл Хварит Макероу и исчез оттуда прежде, чем кто-либо успел его заметить. После завершения ритуала хранители обнаружили тела Ювэка и Хварита в специальной библиотеке. Заключение звучит следующим образом: «Рюн Фэй, поддавшись панике из-за прохождения ритуала, совершил попытку побега из Башни Сердца, в ходе которой укрылся в специальной библиотеке». По сути, в этом нет ничего необычного, такое иногда происходит с особенно впечатлительными молодыми нагами, которые переслушали историй о смертельных исходах во время ритуала. Но разница между этим происшествием и прочими случаями заключается в том, что Рюн значительно больше преуспел в своём замысле и даже совершил при этом два убийства. Хранители уже потребовали у Совета кланов, чтобы он получил самую высшую меру наказания».

«К чему были эти подробности? Я так же, как и ты, хорошо осведомлён об официальном докладе, я ведь тоже хранитель».

«Приношу свои извинения. Но чтобы понять, что именно не сходится в произошедшем, нужно проследить всю последовательность событий. Во-первых, согласно заключению хранителей, Рюн, будучи в состоянии аффекта, попытался спрятаться в библиотеке. Но разве в таком случае его не должны были обнаружить на том же самом месте рыдающим или находящимся в приступе панической атаки? Не кажется ли вам, что зарезать хранителя и ударить лучшего друга ножом в спину – это не совсем то, что будет делать наг в такой ситуации?»

«Ну, испуганные люди иногда ведут себя странно», – пожал плечами хранитель.

«Тогда как он смог так тщательно продумать и подготовить свой побег из Башни Сердца? Ни за что не поверю, что тот, кто несколько минут назад совершил жестокое убийство, смог бы потом спокойно обдумывать, как уберечь своё драгоценное сердце», – нахмутив брови, произнёс Свачи.

«Сумасшедшие могут быть очень расчётливыми», – не унимался Сэрим.

«Но даже если так, то один вопрос всё равно остаётся нерешённым: зачем Хвариту было идти в специальную библиотеку? Почему вместо того, чтобы спокойно дожидаться своей очереди в зале, он пошёл в специальную библиотеку, где и умер от руки своего лучшего друга?» – парировал Свачи.

«Может быть, он услышал от других, что Рюн сбежал, и поэтому решил найти его», – резонно предположил хранитель.

«Нет, этого не может быть. Никто не разговаривал с Хваритом с тех пор, как он прибыл в башню. Он никак не мог узнать о Рюне».

«И что ты хочешь этим сказать?» – В голосе Сэрима наконец послышалась заинтересованность.

Свачи собрался с мыслями и решительно проговорил:

«Похоже, наш план раскрыли. Рюн Фэй оказался хорошо подготовленным наёмным убийцей. Он лишь притворялся нагом, который боится ритуала. Изобразив приступ паники сначала на главной дороге по пути в Башню, а затем и в общем зале, он спрятался в удобном для совершения преступления месте. Когда же Хварит вошёл в зал, кто-то третий тайно позвал его. А он, имея добрый и отзывчивый характер, конечно же, сразу согласился помочь своему другу. Таким вот нехитрым способом Рюн Фэй заманил Хварита в библиотеку, после чего и убил его», – закончил свою речь Свачи.

«Но при чём здесь тогда несчастный Ювэк?» – Сэрим сцепил пальцы в замок и слегка наклонил голову.

«Это должно было создать убедительную картину убийства. Жестокая расправа над библиотекарем, вероятнее всего, была совершена для того, чтобы прийти в состояние, в котором Рюн смог бы убить даже своего лучшего друга. Было бы подозрительно, если бы он убил только Хварита. Выбрав второй жертвой библиотекаря, он сделал всё, чтобы это выглядело как серия убийств, совершённая в состоянии аффекта».

«Но зачем ему было разыгрывать это представление? Если наш план раскрыт, почему вместо того, чтобы напасть на нас, он убил Хварита?» – не понимал Сэрим.

«Вероятно, это было своеобразным предупреждением. Вполне допускаю, что они ещё не могут действовать в полную силу, так как мало знают о нас. И если я прав, то у нас ещё есть надежда», – с воодушевлением проговорил Свачи.

Сэрим покачал головой:

«Ваши предположения звучат правдоподобно, но вы не замечаете важных деталей. Хварит и Рюн – не просто друзья. Я очень хорошо их знаю, потому что...» – Хранитель не успел договорить, так как за него неожиданно ответил Свачи:

«Потому что Рюй Фэй был когда-то послушником».

«Как ты узнал?» – Сэрим с удивлением посмотрел на Свачи.

«По счастливому стечению обстоятельств. Когда Хварит пытался остановить истерику Рюна на главной дороге, тот назвал его «Асхвариталь Сэфавиль Макероу». Я предположил, что это его божественное имя».

Сэрим одобрительно кивнул. Свачи продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.